

ГРИФ СЕКРЕТНОСТИ СНЯТ

ДЕЛО № 11-005

«ЗОЛОТОЕ УХО» ВОЕННОЙ РАЗВЕДКИ

М.Е. Болтунов

(год)

ХРАНИТЬ

вечно

ЛЕТ

Гриф секретности снят

Михаил Болтунов

«Золотое ухо» военной разведки

«ВЕЧЕ»

2011

Болтунов М. Е.

«Золотое ухо» военной разведки / М. Е. Болтунов — «ВЕЧЕ»,
2011 — (Гриф секретности снят)

ISBN 978-5-4444-0001-2

Радиоэлектронной разведке России 106 лет. Но что мы знаем о радиоэлектронной разведке? Радиоразведка – это уникальный механизм. Более эффективного и в то же время безопасного средства разведки человечество пока не придумало. Например, войсковой разведке, чтобы обнаружить нахождение на фронте новых частей или подразделений противника, надо совершить не один рейд в тыл врага, подвергая опасности разведчиков. А сколько их не вернулось из подобных рейдов! У радиоразведки свои методы. Не рискуя людьми, порою по одному сигналу, одной фразе в эфире она раскрывает то, что не под силу десяткам войсковых разведчиков. История радиоэлектронной разведки – вещь не только познавательная, но и весьма увлекательная. Однако, когда в октябре 2009 года ушел из жизни патриарх радиоразведки генерал Шмырев, в Интернете появилась запись: «...Уходят наши командиры, уходят. Теперь некому будет рассказывать о славных делах радиоэлектронной разведки». Почему же некому? Эта книга и есть рассказ о тех славных делах.

ISBN 978-5-4444-0001-2

© Болтунов М. Е., 2011

© ВЕЧЕ, 2011

Содержание

Предисловие	6
Часть первая	9
Дедушка русской радиоразведки	9
На фронтах Первой мировой...	12
«Красная армия всех сильнее...»	17
«Зачем нам, поручик, чужая земля...»	21
«Радиоразведка носит кустарный характер»	23
«И летели наземь самураи...»	29
Часть вторая	35
«22 июня, ровно в четыре часа...»	35
«Мы не дрогнем в бою, за столицу свою»	43
Ленинград принимает бой	51
Первый год, он трудный самый...	58
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Михаил Болтунов

«Золотое ухо» военной разведки

© Болтунов М.Е., 2012

© ООО Издательство «Вече», 2012

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Предисловие

Радиоэлектронной разведке России – 108 лет. Право же, почтенный возраст. Но, к горькому сожалению, радиоэлектронная разведка и общество практически не знакомы.

Но возможно ли такое сегодня? Возможно. Действительно, что мы знаем о радиоэлектронной разведке? Я задавал этот вопрос многим своим коллегам, друзьям. Большинство из них люди военные, услышав знакомое слово, поначалу улыбались, качали головой: «Ну как же, знаем, знаем, радиоэлектронная разведка – это...» И улыбка неожиданно сменялась конфузливый удивлением либо растерянностью, мол, погоди-погоди, сейчас вспомню. Но, как правило, ничего не вспоминалось.

Что ж, все это очень знакомо. Несколько лет назад, а точнее в 2004 году кто-то напомнил мне о 100-летнем юбилее этой службы. Я также благостно ухмыльнулся. Еще бы, ведь у меня за плечами военное училище, академия, тридцать с лишним лет службы в армии, должен я хоть что-нибудь знать о радиоэлектронной разведке. Увы, к моему стыду, это что-нибудь уместилось в несколько скромных фактов и дат, видимо, услышанных мною когда-то на академических лекциях. Наподобие того, что основателем этой службы считается вице-адмирал Макаров, командующий Тихоокеанским флотом. Он-то и подписал в 1904 году приказ, который обязывал введение радиоперехвата и пеленгования. Потом мне вспомнились дивизионы радиоразведки во время Великой Отечественной. Некоторые военачальники в своих мемуарах упоминали о них. И это, пожалуй, все.

Откровенно говоря, стало досадно и обидно. Как ни крути, а уже четверть века пишу книги по истории разведки. Решил восполнить неприятный пробел в своих знаниях. Библиотеки, Интернет, книжные магазины. Нельзя сказать, что материала не существовало вовсе. Но сколь мал и ничтожен он был. Одни и те же отрывочные газетные и журнальные публикации повторялись в Интернете множество раз. Они, как правило, высвечивали лишь некоторые небольшие эпизоды в деятельности нашей радиоразведки во время Великой Отечественной войны. Но ведь службе 108 лет. Это значит – 37 лет до 1941 года и 67 после 1945-го. С большим трудом удалось найти кое-какие данные о службе радиоразведки в Русско-японскую и в Первую мировую войны, но вот после Великой Отечественной – бетонная стена неизвестности.

С большой надеждой и с карандашом в руках изучил редкие книги на эту тему. Одна из них даже называлась «Радиоэлектронный шпионаж». Казалось, прочту и доберусь наконец до секретов службы. Увы, автор вынес на обложку весьма обязывающий и, я бы сказал, фундаментальный заголовок, но в нем почти ничего о заявленном шпионаже. На страницах книги речь шла о том, как оперативным путем мировые разведки добывали чужие коды и шифры. А о радиоразведке как таковой всего несколько абзацев.

Словом, подводя итог моим изысканиям, можно было с разочарованием констатировать: о радиоэлектронной разведке в России не написано ничего или почти ничего. И это более чем за столетие.

Несмотря на столь неутешительный результат, решил не останавливаться. К тому времени у меня уже вышло несколько книг о военной разведке, в том числе две – «Ахиллесова пята разведки» и «Невидимое оружие ГРУ» – о спецрадиосвязи, близкой и, я бы сказал, родственной радиоразведке службе.

Однако мои старания ни к чему не привели. Секреты радиоразведки оставались за семью замками. Главное разведуправление Генштаба из месяца в месяц, из года в год вежливо отказывало мне. Аргументы о том, что я хочу написать о людях, об их тяжком воинском труде, об участии в войнах и боевых конфликтах, а не о сверхсекретной технике и тактике, не принимались во внимание.

Помог случай, вернее, дата – в октябре 2009 года исполнялось 90 лет легенде радиоразведки, человеку, отслужившему в ней 50 лет. Из этих полвека 15 лет он возглавлял радиоразведку. Его имя Петр Спиридонович Шмырев, генерал-лейтенант, лауреат Государственной премии.

Начальник Главного разведуправления дал добро, и я познакомился с этим удивительным человеком. Рассказал о столетнем молчании. Задал вполне закономерный вопрос: не пора ли снять эту печать молчания и рассказать о радиоразведке? Генерал Шмырев согласился с моими доводами, сказал дословно следующее: «Радиоразведка, как одна из областей разведывательной деятельности, не является секретной, а вот как она это делает, остается “секретом фирмы”». Но я и не собирался влезать в тактические и технические «top secret» радиоразведки. Это, пожалуй, интересно только специалистам да нашим врагам.

Вскоре Петр Спиридонович снабдил меня документами, материалами, представил другим радиоразведчикам. Мы встречались с ним каждую неделю, а то и дважды в неделю, беседы затягивались на несколько часов. Он был удивительным рассказчиком: несмотря на возраст, прекрасно помнил даты, фамилии, события, обладал тонким юмором. До сих пор в моей домашней фонотеке хранятся записи этих бесед.

Были также встречи с фронтовиками, ветеранами службы и действующими сотрудниками. Я надолго окунулся в потрясающую историю радиоразведки. Так родилась эта книга.

Радиоразведка – это уникальный механизм. Более эффективного и в то же время безопасного средства разведки человечество пока не придумало. Например, войсковой разведке, чтобы обнаружить нахождение на фронте новых частей или подразделений противника или опровергнуть это, надо совершить не один рейд в тыл врага, подвергая опасности разведчиков. А сколько их не вернулось из подобных рейдов!.. Нередко безрезультатных рейдов, ибо дело это тяжелое и крайне опасное. Как говорят разведчики – «кровавое». Надо взять «языка», но не всякий «язык» знает ответы на необходимые вопросы.

Командир взвода полковой разведки Владимир Стрельбицкий так рассказывал мне о своей фронтовой работе.

«Каждый рейд в тыл врага – это потери пяти – семи бойцов. Убитые, раненые... Тела своих погибших товарищей далеко не всегда удавалось вытащить.

Помнится, будучи комвзвода разведки, я несколько раз ездил, получал пополнение. А пару раз сходишь за линию фронта, и во взводе опять десяток человек остается. Взять “языка” – это подвиг. Хотя не каждый “язык” представляет ценность. Но потери – огромны».

У радиоразведки свои методы. Не рискуя людьми, порою по одному сигналу, одной фразе в эфире она раскрывает то, что не под силу десяткам войсковых разведчиков.

Так, еще в 1918 году на французский фронт прибыли две итальянские дивизии. Разумеется, сохраняя законы секретности, скрытно, насколько это возможно. И вот всего лишь один небольшой просчет итальянского телеграфиста – и вся секретность рухнула. Немцы узнали об итальянских дивизиях. Итальянец передал вместо французского знака раздела «de» итальянский «di». Немецкой радиоразведке было этого достаточно.

Или другой пример, уже периода Великой Отечественной войны. В марте 1943 года на Ленинградском фронте в районе аэродрома Котлы, что располагался рядом с фортом Красная Горка, был перехват. Немецкий летчик бросил в эфир короткую фразу: «Иду на посадку через одну минуту». Но наше командование знало, что аэродром Котлы немцы не использовали с ноября 1942 года. Значит, сюда прибыла авиационная группа фашистов, поскольку в радиосвязь с аэродромом вступал только один флагманский самолет.

В воздух были подняты наши самолеты, они нанесли удар по аэродрому Котлы. Было уничтожено до 20 самолетов противника. А летчики прислали радиоразведчикам фотографии с горящими фашистскими самолетами.

С нашей стороны потерь никаких. Никто не получил даже царапины. И таких примеров в войну и в послевоенное время – достаточно. По данным радиоразведки принимались не только тактические или оперативные решения, но и решения самого высокого стратегического порядка, от которых во многом зависела судьба крупных фронтовых операций. О таких операциях рассказывается в книге.

Впрочем, не стану раскрывать всех «секретов» повествования. Прочтете – узнаете сами. Скажу только, что история радиоэлектронной разведки – вещь не только познавательная, но и весьма увлекательная.

Когда в октябре 2009 года ушел из жизни патриарх радиоразведки генерал Шмырев, в Интернете появилась запись: «...Уходят наши командиры, уходят. Теперь некому будет рассказывать о славных делах радиоэлектронной разведки».

Почему же некому? Эта книга и есть рассказ о тех славных делах.

Часть первая

Дедушка русской радиоразведки

31 марта 1904 года временно исполняющий обязанности командующего флотом Тихого океана контр-адмирал князь Ухтомский отправил телеграмму наместнику Его Императорского Величества:

«В 10-м часу, во время маневрирования эскадры на порт-артурском рейде в виду неприятельского флота, броненосец “Петропавловск”, под флагом Командующего флотом, со взрывом взлетел на воздух: через две минуты броненосец потонул. Погибли: Командующий флотом, Начальник штаба, большинство офицеров и команды. Великий князь Кирилл Владимирович...»

Великий князь остался в живых. Остальное изложено точно.

В столице Японии, Токио, которая в то время находилась с Россией в состоянии войны, прошла траурная демонстрация, посвященная гибели... русского командующего флотом адмирала Макарова и его боевых товарищей. Японский поэт Исигава Такубоку написал стихи, назвав адмирала доблестным противником... Император Николай II, узнав о трагедии, не изменил своего распорядка дня. Он уехал на охоту.

Вице-адмирал Степан Осипович Макаров был великим русским флотоводцем. Сегодня его по праву считают автором теории непотопляемости. Ведь именно Макарову принадлежит идея выравнивания накренившегося от пробоины судна путем затопления противоположных отсеков.

Еще молодым офицером попав в аварию на подводной лодке «Русалка», он предложил использовать так называемый пластырь для заделки пробоин корабля. Степан Макаров считал, что следует создать учебное судно с отверстиями по бортам, дабы экипажи могли обучаться действовать в нештатных ситуациях, тренируясь не только в постановке «пластыря», но и вырабатывая психологическую устойчивость.

Теория асимметричных военных ответов для России, предложенная адмиралом Макаровым еще в позапрошлом веке, актуальна для нас и поныне. Тогда мы не могли противостоять сильному флоту противника на Черном море, не можем и теперь.

Он придумал использовать быстроходные пароходы с поднимаемыми на борт минными катерами. Ночью они атакуют противника и после рейда возвращаются на плавучую базу. Кстати говоря, эту идею Макаров опробовал на практике, став капитаном парохода «Великий князь Константин». Он установил по сути на гражданском пароходе артиллерию и использовал минные катера. И так атаковал турок.

Из обычной морской мины, всегда считавшейся оружием оборонительным, Степан Макаров сделал оружие наступательное. А чего стоили его колпаки из мягкой стали для бронебойных снарядов? Они значительно увеличивали пробивную силу.

Да, по праву адмирала Макарова считают выдающимся ученым и изобретателем в области артиллерии, минного дела, теории непотопляемости, тактики морского боя, геополитики. Однако следует не забывать и еще одну область – разведку, а точнее радиоразведку, для которой Степан Осипович стал по сути отцом-создателем.

Он первым из всех военачальников русской армии и флота осмыслил роль радиоразведки для будущего вооруженных сил империи. Именно адмирал Макаров выработал и законодательно закрепил основные принципы деятельности этой службы.

Через десять дней после вступления в должность командующего флотом Тихого океана вице-адмирал Макаров подписал исторический приказ № 27. Случилось это 7 марта 1904 года. Теперь дата официально является праздником – днем создания радиоразведки.

Что же отметил в своем приказе адмирал? По существу, он закрепил три основополагающих направления:

Первое. Беспроволочный телеграф (т. е. радио) обнаруживает присутствие (например, корабля. – *М.Б.*). Отсюда требование: поставить телеграфирование под контроль. И тут же впервые в мире адмирал вводит принцип режима радиомолчания. Без разрешения командира радиogramмы не отправлять.

Второе. «Если будет чувствоваться неприятельская депеша, – как подчеркивает адмирал Макаров, – надо доложить командиру и определить направление на неприятеля».

Третье. По неприятельским телеграммам «распознать вызов старшего, ответный знак... и смысл депеши».

В конце приказа командующий флотом отмечает: «Для способных молодых офицеров тут целая интересная область».

Знал бы Степан Осипович, что вскоре эта «интересная область» станет столь весомой, что без нее не сможет обходиться ни один вид боевых действий.

Приказ адмирала Макарова вскоре был подтвержден практикой. Уже в апреле 1904 года радиоразведка флота успешно вскрыла замыслы противника.

После того как японское командование разработает план боевой операции под Порт-Артуром силами 12 кораблей, в штабе царского наместника на Дальнем Востоке получают телеграмму: «Сегодня утром (9 апреля 1904 г. – *М.Б.*) на эскадре были разобраны японские телеграммы по беспроволочному телеграфу, из которых можно предположить, что намечается новая атака...»

Еще через несколько дней, 15 апреля, японское командование в акватории порта-крепости провело рекогносцировку для капитанов кораблей. Ночью телеграфисты броненосца «Полтава», вновь внимательно слушая эфир, перехватили радиogramму. Японцы подтвердили свои планы по проведению заградительной операции.

Русским флотом были предприняты контрмеры, усилена оборона базы, и операция японских кораблей закончилась провалом.

Следует отметить, что в этом же месяце флотские радиоразведчики одержали еще одну победу. Она ценна тем, что явилась не только боевым опытом ведения радиоразведки, но и первым применением радиоэлектронной борьбы.

15 апреля японцы предприняли обстрел Порт-Артура корабельной артиллерией, вошедшей в хронику под названием «третьей перекидной стрельбы».

Утром японские крейсера «Ниссин» и «Касуга» начали обстрел фортов и внутреннего рейда. Одновременно с обстрелом радиостанции эскадронного броненосца «Победа» и берегового радиопоста «Золотая гора» стали создавать помехи. Корректировка по радио артиллерийского огня японских кораблей была сорвана.

Контр-адмирал Ухтомский доложил наместнику адмиралу Алексееву: «Неприятелем выпущено более 60 снарядов большого калибра. Попаданий в суда не было».

С окончанием Русско-японской войны совершенствование радиоразведки не остановилось. Опыт боевых действий показал, что во фронтовой обстановке обеспечить устойчивое управление войсками можно только с помощью современных средств связи. Именно поэтому в мирный период, после окончания Русско-японской войны и до начала Первой мировой, в России было построено несколько достаточно мощных радиостанций на Дальнем Востоке, на севере страны, развернута сеть станций по побережью Балтийского моря. На трассе от Москвы до Владивостока стали возводиться приемо-передающие центры.

Успешно развивалась радиоразведка и во флоте. Наибольших успехов в этом деле добился Балтийский флот. К 1909 году на Балтике была создана достаточно стройная система наблюдения морского побережья, включающая в себя три рубежа – агентурного на враждебной территории, дальнего морского наблюдения и ближнего сухопутного.

При службе связи и наблюдения разворачивались отделы шифрования и дешифрования.

Руководство флотом понимало, что на случай войны при вступлении морских сил в активные боевые действия единственным эффективным средством дальнего обнаружения противника станет радиоразведка. Так оно, в сущности, и случилось, когда началась Первая мировая война.

На фронтах Первой мировой...

...Германский посол в России граф Пурталес вручил министру иностранных дел Сазонову ноту. Произошло это вечером 19 июля (1 августа) 1914 года. В ноте говорилось: «Его величество император, мой августейший повелитель, от имени империи, принимая вызов, считает себя в состоянии войны с Россией».

Началась Первая мировая война.

Уже в самом начале боевых действий Германия потеряла крейсер «Магдебург». Корабль отличался хорошим бронированием, надежной системой подводной защиты, превосходными мореходными качествами и маневренностью. Однако это была не самая большая утрата немецкого императорского флота за время Первой мировой войны. И тем не менее военно-морские эксперты, историки, исследователи флота едва ли не в один голос утверждают: гибель легкого крейсера «Магдебург» имела намного большее значение, чем потеря любого другого корабля.

Русские моряки, захватив германский крейсер, нашли на нем нечто такое, что заставило англичан специально послать в Петербург корабль королевского флота. Он и доставил в Лондон дар верного союзника, который Первый лорд Адмиралтейства Уинстон Черчилль назвал бесценным.

Известный американский журналист, специалист по криптологии, автор книги «Взломщики кодов» Дэвид Кан считает находку на «Магдебурге», «возможно, самой счастливой удачей во всей истории криптологии». Другие исследователи отметят, что этот эпизод является важнейшим в истории развития радиоразведки.

Так что же произошло августовской ночью 1914 года в Балтийском море у острова Оденсхольм в устье Финского залива?

Отряд контр-адмирала Беринга в составе крейсеров «Аугсбург» (флаг командира), «Магдебург», миноносцев V-26 и V-186 вышел в море. Ближе к вечеру видимость ухудшилась, и «Магдебург» потерял из виду флагманский корабль.

Вскоре адмирал Беринг передал радиограмму: изменить курс. Однако радиограмму расшифровывали непозволительно долго: 18 минут. Крейсер «Магдебург» изменил курс, но было поздно. Корабль налетел на камни у острова Оденсхольм. Неожиданно для себя адмирал Беринг получил радиограмму: «Выскочил на мель. Курс 125°».

Все попытки сняться с рифа оказались тщетными. И тогда командир крейсера капитан 2-го ранга Густав Генрих Хабенихт приказал подготовить корабль к взрыву и начать эвакуацию экипажа на миноносец.

В это время в тумане появились силуэты русских кораблей. Это были крейсера «Богатырь» и «Паллада». Они открыли огонь по немецким кораблям. В эсминец V-26 попал снаряд, и некоторые моряки, снятые с «Магдебурга», погибли.

Капитан 2-го ранга Хабенихт, поняв, что дело безнадежно, приказал взорвать носовые погреба. Крейсер сдался. 55 человек во главе с командиром попали в плен, 15 – убиты, 75 – пропали без вести.

Таковым, если кратко, был морской бой. Однако главные события совершились потом. С подошедшего к месту сражения миноносца «Лейтенант Бураков» спустили шлюпку, в которой находилась команда моряков во главе с лейтенантом М. Гамильтоном. Они и подняли на «Магдебурге» Андреевский флаг.

Победителям досталось немало документов. Разумеется, самыми ценными оказались те, на которых стоял гриф: «Совершенно секретно». Тут были морские уставы, наставления, различного рода формуляры, технические инструкции. Но главным «бриллиантом» в этой богатой коллекции оказалась «Сигнальная книга императорского флота». Ее-то и назвал Черчилль «бесценной». Более того, в руки русских попали два экземпляра книги. Первую нашел лейте-

нант М. Гамильтон среди узлов с вещами, оставленных экипажем при эвакуации; вторую обнаружил водолаз при осмотре места аварии на теле одного из утонувших немецких моряков. Об этом свидетельствуют записи в историческом журнале командующего Балтийским флотом.

Именно этот экземпляр, под номером 151, был отправлен в морской Генеральный штаб, потом, после фотокопирования, в Лондон. Его и получил Первый лорд Адмиралтейства 13 октября, о чем и засвидетельствовал в своих мемуарах.

Разумеется, столь успешная находка сразу же оказалась засекреченной. Уровень секретности был столь высок, что упоминание о «Сигнальных книгах» изъяти из всех документов штаба флота. О своей находке командующий флотом адмирал Николай Эссен умолчал даже в донесении старшему начальнику – Главнокомандующему 6-й армией. Думается, столь «суровая» степень секретности была оправдана и, как показывают дальнейшие события, дала свои результаты.

«Сигнальная книга» в германском да и на других флотах являлась основным документом, определяющим организацию и функционирование военно-морской связи. Без нее была невозможна формализация сообщений, распоряжений, команд. Иными словами, все эти сообщения первоначально приводились к краткому, удобному виду для последующей быстрой передачи. Делалось это в первую очередь для радиосвязи.

Кроме того, «Сигнальная книга» обеспечивала и сугубо криптографическую функцию – секретила, «закрывала» транслируемое сообщение. Так что для криптологов это была своего рода «кодовая книга».

Повезло русским морякам и в том, что они нашли на «Магдебурге» секретные карты квадратов. С помощью такой сетки квадратов, наложенной на карту района ТВД, можно было передавать емкие сообщения в виде номера того или иного квадрата. Сетка квадратов стала важным приложением к «Сигнальной книге».

Добавим, что, кроме этих очень ценных материалов, достоянием морской радиоразведки стали журналы семафорных и радиотелеграфных переговоров, шифры мирного времени.

Потеря секретных военно-морских документов уже через три с половиной месяца обернулась для немецкого флота катастрофой – гибелью дальневосточной крейсерской эскадры адмирала Шпее у Фолклендских островов.

Решение адмирала идти к островам вызвало недоумение многих офицеров эскадры. Известно, что командир корабля «Гнейзенау» старался переубедить адмирала и просил не рисковать кораблями. Но Шпее был непреклонен. Он получил приказ идти к островам. Знал бы адмирал, что приказ ему отдало не германское командование, а британская морская разведка, используя те самые документы с крейсера «Магдебург».

Разумеется, самым активным образом добытые немецкие секретные материалы использовались и нашей радиоразведкой – в первую очередь на Балтике, а позже и на Черном море. Были организованы перехват и дешифрование германских радиোগрам. Эту задачу с успехом выполняла береговая радиостанция в г. Гапсаль (Хапсалу).

Радиоперехват вели также радиостанции на юге Финляндии и в Северной Прибалтике – в Пекерорт, Престэ, Або.

В 1915 году радиоразведывательная станция была развернута в Севастополе. Сведения, которые она добывала о действиях немецких кораблей, помогали нашему Черноморскому флоту.

Однако надо признать, что основные сражения, определяющие ход войны, происходили не на море, а на сухопутных ТВД. И потому радиоразведка Главного управления Генштаба и штаба Верховного Главнокомандующего составляла единую службу. К 1916 году были определены ее основные функции, а также служба выстроена организационно.

«Маломощные радиостанции, – констатировалось в одном из руководящих документов того времени, – приданные действующей армии, ведя наблюдение за радиостанциями противника, должны выяснить: кто говорит, с кем и как часто.

Более мощные полевые радиостанции, находящиеся в тылу, путем засечек, производимых радиолокационными станциями, должны определить местонахождение неприятельских радиостанций и, главное, следить за их перемещениями.

Наконец, постоянные радиостанции большой мощности (Царскосельская, Тверская, Московская и др.) обязаны перехватывать радио Берлина, Вены, Будапешта, Софии, Мадрида, Северной Америки».

Что ж, на то они и руководящие документы, дабы ими пользоваться в своей деятельности. Стационарные радиостанции – Московская, Царскосельская, Николаевская, Тверская – осуществляли перехват дипломатической переписки, коммерческих радиogramм, а также переписки главного командования противника – германской и австро-венгерской армий.

Основную нагрузку нес Тверской радиополк. Он контролировал работу более 100 радиостанций.

Документы радиоперехвата собирались в соответствующем отделении Министерства иностранных дел и в Главном управлении Генштаба.

Общее руководство радиоперехватом осуществлял отдел генерал-квартирмейстера Главного управления Генштаба, а непосредственное – отдел службы радиосвязи комитета по устройству постоянных радиостанций Главного военно-технического управления.

Перехватом сообщений войсковых радиостанций противника на фронтах занималась радиоразведка штаба Верховного Главнокомандующего.

В начале войны опыта в подобной работе явно не хватало. Об этом свидетельствует одна из директив штаба Верховного своим подчиненным на Северо-Западном и Юго-Западном фронтах. В ней указывается: «Перехват необходим от полевых радиостанций, только которыми обыкновенно и применяется военный шифр, заслуживающий внимания, причем желательно получать не обрывки телеграмм, а полные тексты».

Не зря беспокоился штаб Верховного Главнокомандующего. Как только перехват был осуществлен на должном уровне и дешифровальная служба стала получать телеграммы в полном объеме, вдруг выяснилось: командование Северо-Западного фронта могло допустить катастрофический просчет при планировании Восточно-Прусской операции. Оно исходило из ошибочного предположения, что основные силы немцев развернуты западнее озерного пространства Восточной Пруссии.

К счастью, радиоразведчики оказались на высоте. Перехват радиogramм 8-й немецкой армии и ее 17-го и 20-го корпусов доказал: главные силы противника сосредоточены за рекой Ангерапп.

Боевой опыт, обретаемый на фронтах, заставил переосмысливать роль радиоразведки. Уже в начале 1915 года в действующих частях стали разворачиваться специальные радиостанции для ведения радиоразведки.

Во фронтовых и армейских радиодивизионах для перехвата радиogramм противника выделялись по две приемные станции, которые полностью освобождались от ведения связи. Они занимались только радиоперехватом.

Делали свои первые шаги на боевом поприще и радиокомпасные станции, которые могли определять местоположение радиостанций противника.

В том же 1915 году в русской армии появились и полевые радиопеленгаторы. А через год на Северный, Западный и Юго-Западный фронты придут автомобильные радиопеленгаторы.

Такая радиостанция размещалась на двух автомобилях и обслуживалась расчетом из 16 человек. Созданы они были в Петроградской электротехнической школе. Кстати говоря, эта школа стала первым учебным заведением, которое начало готовить радиоразведчиков.

Хочется назвать имена первых начальников радиопеленгаторных станций – поручика Пузырева, подпоручика Грамматикова, прапорщика Страхова.

К середине 1915 года данные, поступающие из радиоразведки, стали регулярными и стабильными. Это позволило наладить на фронтах выпуск ежедневных разведывательных сводок о противнике. К этим сводкам всегда прилагалась схема расположения неприятельских радиостанций.

Увидело свет и было разослано по соединениям первое наставление по радиоразведке. Оно определяло цели и задачи радиоразведки на фронтах и называлось «Наставление для производства радиотелеграфной слежки».

«Радиотелеграфной слежке, – говорилось в наставлении, – путем постоянного наблюдения за работой неприятельских радиостанций, при определенной систематизации перехватываемых при этом позывных, отдельных знаков и целых радиограмм, а также по степени оживленности обмена радиограммами неприятельских станций между собой представляется возможность получить данные для суждения о группировке противника.

Кроме того, ведение слежки за неприятельскими радиостанциями дает возможность получить материал в виде перехваченных шифрованных и нешифрованных радиограмм, который может быть использован для открытия неприятельских радиотелеграфных кодов и шифров».

Что ж, в наставлении все сказано верно: перехватить радиограмму очень важно, но потом ее следует быстро и верно расшифровать. Именно поэтому в июне 1916 года в русской армии впервые предпринята попытка централизованной обработки пеленгов. Штабы фронтов и армий получили соответствующее приказание генерал-квартирмейстера при Верховном Главнокомандующем.

Что же приказал генерал-квартирмейстер?

Он настаивал на том, чтобы ежедневно велась радиотелеграфная карта на основании данных, полученных с фронтов. Для этого к работе привлекались все пеленгаторы, приданные фронтам и армиям. Каждая такая станция должна была иметь позывной, состоящий из двух частей: первая – номер армии или название фронта, в состав которого входит пеленгатор, вторая – местонахождение пеленгатора в делениях сетки. Карта с нанесенной на нее сеткой высылается в штаб ранее.

Таким образом, каждая пеленгаторная станция записывает позывные и определяет направление для прокладки на карте. Кроме направления каждая станция имеет смену позывных.

Надо отметить, что централизация обработки пеленгов дала свои положительные результаты.

В штабе Верховного Главнокомандующего, в штабах фронтов понимали, что ведение радиоразведки – дело не простое, требующее специальных навыков, мастерства. Поэтому к июню 1917 года для радиоразведчиков разрабатывается «Программа для слухачей приемных станций». В ней определились нормативы приема на слух и другие требования к операторам станций радиоперехвата.

Интересно, что уже тогда к «слухачам» предъявлялись достаточно высокие требования. Так, по нормативам оператор должен был принимать на слух не менее 20 пятизначных цифровых групп в минуту, уметь различать по характеру работы радиостанцию противника и пеленговать ее в течение 2 минут, знать правила радиотелеграфной корреспонденции, порядка и приемов работы противника.

Требовалось также уметь осуществлять установку станции на местности, развертывание антенной сети и проверку правильности развертывания по компасу или буссоли, провести градуировку приемника, настроить генератор незатухающих колебаний, отрегулировать зуммер волномера.

Так что оператор радиоразведки того времени должен был многое знать и уметь. Только тогда удавалось ему выполнять сложные боевые задачи.

Подводя итоги, можно сказать, что в годы Первой мировой войны в русской армии и на флоте была создана специальная служба – радиоразведка. Теперь она владела соответствующими силами и средствами, обрела свои, только ей присущие формы и методы добывания сведений.

Пока возможности этой службы были невелики в силу недостаточных технических возможностей, небольшого количества привлекаемых офицеров и солдат, небогатого опыта работы. Да и масштабы применения радиоразведки, надо признать, оказались пока недостаточно широки.

Однако время не стоит на месте. И радиоразведка, покинув фронты Первой мировой, вскоре оказалась на других фронтах – войны Гражданской. Одни специалисты ушли к красным, другие – к белым. Но радиоразведка не умерла.

«Красная армия всех сильнее...»

Великая Октябрьская социалистическая революция 1917 года сломала все, что можно было сломать. Разрушению подверглись государственные институты, в первую очередь армия, а вместе с нею и разведка.

В условиях Гражданской войны, когда советская власть не имела возможности создавать новую службу радиоразведки, приходилось пользоваться тем, что досталось от царского строя.

Правда, следует отметить, что уже в начале 1918 года при разработке проекта по организации военного радиотелеграфа в Красной армии предусматривалось создание радиоразведки. Но из-за нехватки техники и грамотных специалистов Главный штаб не в силах был осуществить этот проект.

Организацию радиоразведки отложили на более поздний срок, а пока наладили радиоперехват сообщений информационных иностранных агентств при Полевом штабе Реввоенсовета. Ведь к середине 1918 года советская республика находилась в кольце фронтов и была отрезана от остального мира.

Тверская и Царскосельская радиостанции, теперь находившиеся в подчинении Народного комиссариата по военным делам, осуществляли перехват сообщений информагентств из Германии (Науэн), Франции (Париж, Лион), Великобритании (Корнарвон). Сводки готовились каждый день с грифом «только В.И. Ленину».

В середине 1918 года Тверская и Царскосельская радиостанции были переданы в ведение Народного комиссариата почт.

Тем временем Гражданская война набирала обороты. В июне Донская армия во главе с генералом С. Денисовым нанесла поражение советским войскам у станции Суровикино.

Генерал Краснов получил поддержку со стороны Германии.

К началу августа Донская армия овладела почти всей Донской областью и стала готовиться к наступлению на Царицын (Волгоград) и Воронеж.

Добровольческая армия в июне – ноябре провела второй кубанский поход и овладела всей Кубанской областью.

В Крыму германские войска в июне разгромили Таврическую советскую социалистическую республику. Одновременно распалась Закавказская республика.

В июле в Мурманске краевой Совет подписал соглашение с интервентами о совместной защите края от держав германской коалиции. К тому времени в городе уже располагалось 8 тысяч союзных войск.

2 августа в Архангельске представители партии эсеров, народных социалистов и кадетов осуществили антибольшевистский переворот.

В начале августа во Владивостоке высадились американские, английские, французские и японские десанты.

1 сентября части Чехословацкого корпуса и отряды забайкальских казаков есаула Г. Семенова захватили Читу. Японцы и отряды есаула И. Калмыкова заняли Хабаровск.

К концу лета 1918 года советская власть сохранилась только в центральных районах России.

В этих условиях большевики предпринимали дальнейшие усилия по укреплению Красной армии. 5 ноября в составе Полевого штаба Реввоенсовета было создано Регистрационное управление – центральный орган военной разведки. А уже через неделю, 13 ноября учреждено первое подразделение радиоразведки – приемо-контрольная станция.

Она, по сути, выполняла те же функции, что Тверская и Царскосельская станции – вела перехват сообщений информагентств из Парижа и Науэна. Правда, телеграммы теперь отправ-

лялись не только Председателю Совета Народных Комиссаров В. Ленину, но и начальнику Полевого штаба, начальникам оперативного и регистрационного управления.

В мае 1919 года В. Ленин в одном из своих выступлений сказал: «...Французские газеты попадают к нам редко потому, что мы окружены кольцом, но по радио сведения попадают... мы перехватываем иностранное радио».

Кроме приемо-контрольной станции, которая впоследствии была размещена в г. Серпухове, иных формирований радиоразведки не предусматривалось. Не хватало для этого ни специалистов, ни технических средств. Достаточно сказать, что на всю Красную армию в ту пору приходилось всего 38 радиостанций связи.

Однако, несмотря на все трудности технического, организационного и кадрового характера, руководство Красной армии, понимая роль радиоразведки, постоянно изыскивало возможности для ее укрепления. Так, в январе 1919 года на фронтах началось создание пеленгаторных и приемо-информационных радиостанций, по существу, первых подразделений фронтовой радиоразведки.

«В ближайшем будущем, – сообщал инспектор радиотелеграфа начальнику оперативного управления Полевого штаба, – предполагается установить на каждом фронте пеленгаторные и приемные радиостанции для слежки за работой радиостанций, как своих, так и противника».

По-прежнему в обязанности и этих станций входил перехват иностранных информгентств, но уже ставилась задача слежения за войсковой связью противника. А для пеленгаторных станций главным делом был перехват радиোগрам вражеских войск.

Принятое решение Полевого штаба не осталось на словах. Действительно, в течение 1919 года на Западном, Юго-Западном, Южном, Туркестанском и Кавказском фронтах радиоразведку целенаправленно вели уже 24 приемные и 6 пеленгаторных станций. В следующем году их число возросло до 80 и 8 радиостанций, соответственно.

Правда, был во всей этой работе и весьма существенный недостаток. Приемные станции по-прежнему использовались как связные и лишь попутно вели радиоразведку.

К концу 1919 года в Красной армии прошла очередная реорганизация. Теперь фронтовой и армейской радиоразведкой руководили отделения радиосвязи и радиоразведки, которые функционировали при радиоотделах начальников связи. Сотрудники этих отделений обобщали разведматериал, готовили ежедневные сводки и схемы радиосвязи противника.

Тогда же было разработано и отправлено в войска и «Наставление для производства радиотелеграфной слежки в Красной армии».

Теперь, когда все перипетии создания и реформирования радиоразведки Красной армии описаны, хотелось бы задать вопрос: была ли реальная отдача от всех этих мероприятий? Сработала ли, в конечном итоге, большевистская радиоразведка в Гражданскую войну или, как бытует мнение, ее практически не существовало?

Конечно, не подлежит сомнению тот факт, что Белая армия, унаследовавшая радиотехнические и шифровальные средства, опыт, традиции и лучшие кадры царской России, вела радиоразведку и радиоперехват весьма эффективно. И об этом мы поговорим далее.

Однако есть документы и материалы, свидетельствующие о том, что противники белогвардейцев, командиры и бойцы Красной армии не сидели сложа руки и внесли весомый вклад в общую победу.

В чем же этот вклад? Давайте разберемся.

Для начала напомним: к весне 1919 года под началом адмирала Колчака находились несколько армий – Западная, Сибирская, Оренбургская, Уральская. Они насчитывали около 400 тысяч штыков. Примерно 140 тысяч держали фронт.

В конце апреля Верховного правителя признало «временное правительство Северной области». В июне по приказу Колчака Юденич возглавил белогвардейские войска на северо-западе, Деникин объявил о своем подчинении адмиралу.

Главная опасность в этот период для молодой советской республики исходила от колчаковцев. И потому армии Восточного фронта красных были усилены станциями радиоразведки. Так, к примеру, радиостанции 4-й армии работали против войск Западной и Уральской армий Колчака.

На Туркестанском фронте под командованием М.В. Фрунзе радиоразведку вели станции 1, 4, 11-й армий и приемо-информационная радиостанция штаба фронта.

Были радиостанции и в штабах некоторых дивизий: 25-й стрелковой под руководством В.И. Чапаева, 24-й стрелковой и 3-й кавалерийской. Они вели наблюдение за радиосвязью белых в Гурьеве, Екатеринодаре, на линии Тифлис – Баку. Радиоразведка фронта установила дислокацию штабов Северо-Кавказской армии, Каспийского фронта, Донской армии, а также главного штаба Деникина.

Зимой 1919 года радиоразведчики Туркестанского фронта доложили командованию о доставке военного имущества и продовольствия для Уральской белой армии на судах «Слава», «Африка», «Президент Крюгер», «Азия». Эти суда входили в состав Каспийского флота белых.

В конце года красным «слушачам» удалось установить прибытие в ставку Деникина начальников военных миссий Великобритании и Франции – генералов Бриго и Манжена.

На севере против интервентов воевала 6-я армия. Она имела радиостанцию в своем штабе, а также в 18-й стрелковой дивизии. Радиоразведку вела и радиокompасная станция, дислоцировавшаяся в Вологде. Все они контролировали радиостанции интервентов в Архангельске, Мурманске, Шенкурске.

На Южном фронте войска Красной армии вели бой против частей Кавказской, Донской и Добровольческой армий. Радиоразведка фронта вскрыла дислокацию штабов белогвардейских войск на Юге России – штаба Кавказской армии в Ростове, Кубанской в Ставрополе, 1-й Донской в станице Тихорецкая, 3-й Донской в станице Зверево.

Работать радиоразведчикам приходилось в сложных условиях. Острый дефицит технических средств заставлял командиров использовать станции, в основном, для оперативной связи. Однако, когда в августе 1919 года конный отряд Мамонтова прорвал линию фронта и эскадроны белогвардейцев вышли в тылы Красной армии, перед радиоразведкой была поставлена крайне ответственная задача – выявить радиостанцию белых. Все имеющиеся в наличии радиосредства Южного фронта, а также Полевого штаба Реввоенсовета сосредоточились на выполнении этой задачи.

Вскоре удалось засечь радиостанцию 2-го корпуса Добровольческой армии. Теперь она обслуживала штаб Мамонтова. Контроль за ее работой помог командованию Южного фронта отслеживать путь белых конников.

На Юго-Восточном фронте, который был создан для борьбы с Деникиным, радиоразведку обеспечивали связные армейские радиостанции и приемо-информационная станция штаба фронта. Они держали под контролем станции Уральской и Деникинской армий, а также судовые радиосредства белых на Каспийском море.

Усилиями радиоразведки удалось установить местоположение штабов Кавказской армии, Каспийского фронта и базы гидроавиации на Каспийском море.

Весной и летом 1929 года Красной армии пришлось вести бой с польскими интервентами. 12, 13 и 14-я армии Юго-Западного фронта имели в своем распоряжении приемо-информационные радиостанции. Именно их усилиями были обнаружены корабли интервентов у берегов Крыма, которые доставляли боеприпасы, продовольствие и оружие войскам Деникина.

Радиоразведке фронта удалось организовать перехват радиogramм деникинцев, державших связь с Варшавой, Бухарестом, Константинополем.

В этот период достаточно профессионально работала и радиоразведка Кавказского фронта. В ее составе были четыре станции – приемо-информационная и пеленгаторская при

штабе фронта в Ростове-на-Дону, еще одна пеленгаторская в Новороссийске и прямоконтрольная при штабе 11-й армии в Баку.

Несомненным успехом радиоразведчиков Южного фронта можно считать вскрытие замыслов противника, связанных с высадкой десанта в июне 1920 года в районе Мариуполя. За несколько дней до высадки операторы отметили возрастание числа полевых радиостанций белых, а также усиление работы судовых корабельных станций на Азовском море.

Когда же белогвардейские части двинулись в южные районы Украины, «слухачи» Кавказского фронта постоянно держали под своим контролем перемещение штабов: генерала Деникина – в Джанкой, Кутепова – в Мелитополь, 2-го Донского корпуса – на Перекоп.

С переходом в наступление Красной армии в Крым радиоразведка Южного фронта действовала не менее активно, вскрывая районы дислокации белогвардейских войск, маршруты их перемещения, передвижение кораблей противника.

В ходе отступления дисциплина шифровальщиков деникинских войск резко упала, и теперь они нередко не хотели, а порой и не успевали шифровать радиограммы, передавая их открытым текстом. Этим достаточно успешно использовалось командование фронтом.

...В ноябре 1920 года Крым был освобожден. Очаг сопротивления на юге ликвидирован.

Так действовала радиоразведка Красной армии в период Гражданской войны.

В следующей главе обратимся к их противникам – радиоразведчикам Белой армии.

«Зачем нам, поручик, чужая земля...»

Итак, в силу сложившейся обстановки основные технические средства радиоразведки, а также высокопрофессиональные кадры оказались в Белой армии.

К концу 1918 года Сибирь, Урал и Дальний Восток оказались под властью Колчака. Как известно, он создал свое правительство, совет Верховного правителя, сенат и даже департамент милиции. При его личной канцелярии действовал отдел печати. В распоряжении отдела находились радиотелеграф и радиостанции.

В Екатеринбурге, Омске, Чите и Хабаровске работали достаточно мощные по тем временам станции. На Юге страны радиостанции располагались в Новороссийске, Николаеве, Гурьеве, Севастополе.

Во Владивостоке также была развернута радиостанция, но ее передали американцам для использования на период боевых действий.

Однако и без этой станции во владении Колчака находилась достаточно разветвленная сеть сил и средств связи и радиоразведки.

Так, к примеру, при резиденции Верховного правителя в Омске функционировала радиостанция, которая постоянно держала связь с Архангельском. Там располагался штаб правительства Северной области во главе с генералом Миллером.

Столь же устойчивой была связь радиостанции Колчака и с Севастополем, где действовали армии южного направления.

Омская радиостанция связывала адмирала и с заграницей – Лондоном, Стокгольмом, Парижем.

Некоторые из этих станций существовали еще при царской власти и были захвачены белогвардейцами, иные, как, например, в Таллине и Ямбурге, построили союзники.

И тем не менее, несмотря на довольно серьезную материальную базу, адмирал Колчак, будучи морским офицером, как никто другой, понимал важность радиоразведки.

Весной 1919 года он посылает в Лондон делегацию во главе с генералом Головиным, который ведет переговоры о срочной постройке в России еще одной современной радиостанции.

Татьяна Соболева, автор книги «История шифровального дела в России», приводит телеграмму, которую в мае 1919 года посол во Франции Маклаков отправил Колчаку:

«Генерал Головин, находящийся в Лондоне, сообщает, что англичане согласны установить большую радиостанцию в Екатеринодаре для прямых сношений с Омском, Парижем, Лондоном и приступить к работе немедленно при условии наличного платежа около 10 000 фунтов».

К сожалению, мечта адмирала Колчака не сбылась. Денег на постройку станции найти не удалось, а союзники не очень торопились помогать бесплатно.

Наряду с использованием мощных стационарных радиостанций белогвардейцы широко применяли и полевые станции. В отличие от Красной армии у них станциями были снабжены не только штабы армий, но и корпусов, дивизий, военных кораблей.

Перехваченные сообщения, как шифрованные, так и открытые, подлежали тщательному анализу, результаты которого отражались в ежедневных сводках и схемах.

Весьма результативно работала, к примеру, радиоразведка Западной и Уральской армий.

Против войск Туркестанского фронта во главе с М.В. Фрунзе активно действовали белогвардейские операторы, дислоцированные в Гурьеве и в форте Александровском.

А помогали им в работе... связисты Красной армии. Дело в том, что они, особенно на первых порах, передавали радиogramмы, используя старые царские шифры, а то и вовсе открытым текстом. Разумеется, эти шифры были хорошо знакомы белогвардейским криптографам.

Очень показательной является шифрограмма М.В. Фрунзе, отправленная в декабре 1920 года в Москву. В эту пору Михаил Васильевич возглавлял войска Украины и Крыма. Шифрограмма адресована Предсовнаркома Ленину, Предвоенсовета Троцкому, Наркоминдел Чичерину.

«Из представленного мне сегодня бывшим начальником врангелевской радиостанции Ямченко доклада, – пишет М.В. Фрунзе, – устанавливается, что решительно все наши шифры вследствие их несложности расшифровываются нашими врагами. Вся наша радиосвязь является великолепным средством ориентирования противника.

Благодаря тесной связи с шифровальным отделением морфлота Врангеля Ямченко имел возможность лично читать ряд наших шифровок самого секретно военно-оперативного и дипломатического характера: в частности, секретнейшая переписка Наркоминдела с его представительством в Ташкенте и Европе слово в слово известна англичанам, специально организовавшим для подслушивания наших радио целую сеть станций особого назначения. То же относится и к расшифровыванию свыше ста наших шифров.

...Общий вывод такой, что все наши враги, в частности, Англия, были постоянно в курсе всей нашей военно-оперативной и дипломатической работы.

19 декабря. Командвойск Украины Фрунзе».

Что ж, мне кажется, это тот случай, когда комментарии излишни. Но ко всему сказанному хочется добавить лишь один, достаточно яркий пример. В своих мемуарах командующий экспедиционными войсками в Персии и в Баку генерал-майор Дентервиль указывает, что занять Баку и другие районы Кавказа английским войскам удалось благодаря... старому царскому коду, который использовали штабы Красной армии. Этот код находился также в руках англичан. Столь широкими возможностями своей радиоразведки белогвардейцы, разумеется, эффективно воспользовались.

В отличие от Красной армии, операторы радиоразведки которой занимались перехватом сугубо военных сообщений, «слухачи» Колчака, Деникина, Юденича имели возможность сбора информации по достаточно широкому кругу проблем. Например, по дипломатическим вопросам (была расшифрована переписка советских руководителей по Брестскому миру) или идеологическим. Сохранились документы радиоперехватов, в которых отслеживается политика советской власти в области образования.

Интересно и то, что с помощью данных радиоразведки белогвардейцы вели досье на лидеров большевистского движения.

И тем не менее основная работа белых радиоразведчиков была, конечно же, в действующей армии. Шла война. И от ее исхода зависела судьба всего Белого движения.

Надо сказать, что в данном случае роль радиоразведки оказалась достаточно весомой: благодаря успешным радиоперехватам белые генералы знали о планируемых операциях красных, могли своевременно отреагировать на их действия.

Так летом – осенью 1918 года белогвардейцы благодаря данным радиоразведки были хорошо осведомлены о сложном положении большевиков в Ташкенте. Предсовнаркома Туркестанской республики 25 июля 1918 года молил Центр о помощи: «Вторично именем революции молим о подкреплении нас боевыми припасами, а главное, патронами...» Это, несомненно, помогло белогвардейцам подготовить и поднять ташкентское восстание в январе 1919 года.

Есть все основания полагать, что данные радиоперехватов оказали неоценимую помощь белым войскам в период боев за Читу в августе 1918 года.

Однако надо признать: несмотря на усилия Белой армии, Гражданская война была ею проиграна. Еще до осени 1922 года на Дальнем Востоке в некоторых районах продолжались локальные боестолкновения. И тем не менее страна уже вступила в период мирного строительства.

«Радиоразведка носит кустарный характер»

Первое послевоенное десятилетие, к сожалению, было не самым продуктивным в истории развития радиоразведки. Причины тому разные – объективные и субъективные, но главная – научная и техническая отсталость государства и его Вооруженных Сил.

Страна с огромным напряжением сил начала восстанавливать разрушенную войной экономику и народное хозяйство.

Демобилизовались и ушли из армии опытные специалисты-радиоразведчики, техника, работавшая во время войны с огромной нагрузкой, приходила в негодность, устаревала. Новая техника связи в войска не поступала. Ее просто неоткуда было взять.

В силу этих причин ведение радиоразведки фактически прекратилось.

Серьезным тормозом в развитии радиоразведки в армии и на флоте послужило решение Председателя Совнаркома В. Ленина, принятое в январе 1921 года. В соответствии с ним все приемо-информационные, а также некоторые приемо-контрольные и пеленгаторные станции, состоящие на вооружении в войсках связи, были нацелены на перехват шифрованных радиogramм, передаваемых иностранными полевыми и мощными станциями. Однако перехваты эти направлялись не в штаб РККА, а в специальный отдел ВЧК. То есть армейские и флотские радиостанции теперь работали в интересах Всероссийской чрезвычайной комиссии.

Вполне понятно, что подобное решение оказалось вынужденным и принято было не от хорошей жизни, но факт остается фактом. По сути, армия и флот во многом оказались без собственных технических средств радиоразведки.

Понимая всю ущербность сложившейся ситуации, начальник штаба Красной армии в августе 1921 года приказал руководству Разведуправления разработать «новую организацию постановки дела радиоразведки в республике».

Такая организация была разработана и через три года, в 1924-м сформированы 12 разведывательно-пеленгаторных групп по 28 человек в каждой. В штате группы – три радиостанции: одна пеленгаторная, две – приемо-слежечные. Всего 336 человек на всю армию. Невесть какая сила, но, как говорят, лиха беда начало.

Группы развернули в первую очередь в западных округах, а также на юге – в Севастополе, в Батуми, в Кавказской Краснознаменной армии, на северо-западе – в Кронштадте.

За два года группы преобразуют в пеленгаторные роты. В 1928-м пеленгаторные роты будут развернуты в составе радиобатальонов четырех военных округов – Ленинградского, Московского, Северо-Кавказского и Украинского. В состав каждой роты войдут разведывательные станции, которые теперь установят вдоль западной границы.

Так, Украинский военный округ дислоцировал свои станции в Каменец-Подольске, Балте, Проскурове и Новоград-Волынке; Белорусский – в Минске, Слуцке, Лепеле, Себеже; Ленинградский – в Пскове, Кингисепе, Шлиссельбурге.

В состав разведгруппы входило 13 военнослужащих, вооруженных одним пеленгатором и двумя приемниками. Все эти средства работали вместе, синхронно и использовались для перехвата передач противника.

Разумеется, совершенствование организационных форм и методов ведения радиоразведки было бы невозможно без технического вооружения подразделений.

До 1929 года подразделениями радиоразведки использовался так называемый пеленгатор Баженова, который работал еще в годы Первой мировой войны. В этом году вступил в строй двухколочный пеленгатор 52пд. Вместо длинноволнового четырехлампового приемника стали поступать новые, более высокочувствительные радиоприемники Особого технического бюро. Такие радиоприемники состояли в штате разведывательных станций в Минске, Пскове, Слуцке и Кингисепе.

В том же 1929 году была организована подготовка командного состава подразделений радиоразведки на разведкурсах усовершенствования командного состава. Начались занятия в отдельной радиогруппе, со сроком обучения полгода.

На следующий год в Ленинградской военной школе связи развернули отделение по обучению командиров взводов для радиоразведки. Важно, что в программу подготовки взводных командиров входило обучение иностранным языкам, а также прием и передача радиogramм на иностранном языке.

Однако, несмотря на проведенные мероприятия первого послевоенного десятилетия, в феврале 1930 года начальник Разведуправления в своем докладе дает далеко не утешительную оценку состоянию службы:

«Радиоразведка носит еще кустарный характер. Разведывательные станции еще не снабжены однотипным оборудованием, соответствующим задачам. На большинстве станций прием ведется при помощи приемников любительского типа.

Оперативная работа часто прерывается выходом из строя радиопеленгаторов, так как резерва для их замены нет. Подразделения пополняются людьми, не удовлетворяющими требованиям. В подразделениях нет пособий, необходимых для обучения личного состава. Нет утвержденного положения по радиоразведке. Подразделения существуют без твердых штатов».

Наряду с перечисленными трудностями сугубо технического, кадрового, организационного порядка возникла и другая, более сложная проблема – качественная и быстрая обработка добытых сведений.

Летом того же 1930 года в докладной записке на имя начальника военной разведки подчеркивалось: «Сам процесс технической службы радиоразведки далеко не является сложным или трудным для преодоления. Значительно более сложным является правильная и быстрая обработка материалов, добытых радиоразведкой, и их систематизация.

В этом отношении у нас очень мало сделано или приняты полумеры. В настоящее время вопрос о создании кадров оперативных работников исключительно для обработки разведывательных материалов крайне назрел».

Но даже в этих условиях, когда в отсутствие аппарата для обработки сведений радиоразведка мало что давала своему командованию, начальник штаба РККА Б. Шапошников всегда очень внимательно читал сводки. В подтверждение этого факта приведем резолюцию Бориса Михайловича на сводке радиоразведки за октябрь 1930 года. «Начальнику Разведуправления. Нам нужно изучить работу радиостанций. Пошлите кого-нибудь», – было начертано рукой начальника штаба РККА.

О каких радиостанциях идет речь? Да, собственно, о тех новых радиостанциях, которые появились на территории одного из сопредельных государств. И Шапошникова можно понять. Это было не праздное любопытство. Каждая новая станция – это вновь образованная воинская часть, соединение, учреждение.

Поскольку радиоразведка сама по себе «носила кустарный характер», как выразился начальник Разведуправления, формы и методы ее работы были малоизвестны общевойсковым командирам, в интересах которых, собственно, и работала служба. В большинстве своем эти командиры считали, что радиоразведка занимается лишь перехватом открытых радиogramм, в которых содержатся секретные оперативные данные. Для многих из них становилось открытием то, что основные сведения для радиоразведки – позывные радиостанций противника, их рабочие частоты, местоположение, маршруты передвижения, шифры.

Так что и эту безграмотность общевойсковых командиров предстояло преодолеть.

Первым центральным органом по руководству службой стала секция радиоразведки, которая была введена в штат Разведуправления Красной армии в 1930 году. Ее возглавил Яков Файвуш.

В округах, где имелись подразделения радиоразведки, также вводились должности помощников начальников разведотдела по радиоразведке.

С 1930 года в радиоразведке Красной армии началось освоение коротковолнового диапазона в качестве источника получения разведывательных сведений. Для освоения этого диапазона при разведотделах штабов военных округов создавались коротковолновые радиостанции. К примеру, в марте 1931 года такая радиостанция начала функционировать в штабе Ленинградского военного округа. Для работы использовалась немецкая аппаратура фирмы «Телефункен».

В 1929 году результаты Бобруйских маневров и опытных учений Московского военного округа 1930 года показали большую необходимость развития маневренности радиоразведки. Однако задачу эту так и не удалось решить из-за сложностей в обеспечении армии автотранспортом.

Да, безусловно, не все получалось. И не все зависело от усилий радиоразведчиков, как та же пресловутая моторизация, и тем не менее предпринимаемые усилия давали свои результаты.

Уже в июле 1931 года, докладывая начальнику штаба РККА, руководитель военной разведки писал: «Проводимая разведывательными группами работа дает в настоящее время много ценного материала: дислокация войск, личный состав частей, проводимые маневры, радиосети и местонахождение радиостанций».

Выявлены оперативная сущность маневров разведываемых Вооруженных Сил, состав войск, участвовавших в маневрах. Выявлены радиостанции военных округов, типы самолетов, их номера, количество и маршруты полетов, дислокация авиачастей».

Кстати говоря, 1931 год оказался богатым на мероприятия, способствующие усилению роли радиоразведки. Летом обсуждался вопрос о количественном увеличении службы и ее организационном совершенствовании. И сразу же начались реальные преобразования – подразделения радиоразведки были выведены из радиобатальонов связи и реорганизованы в отдельные тяжелые радиопеленгаторные роты пятизвездного или трехзвездного состава.

1931 год завершился созданием на западном направлении пяти таких рот – в Белорусском и Украинском военных округах и одной – в Ленинградском.

Насущным делом для Красной армии стало развертывание радиоразведывательных подразделений на Дальнем Востоке. По приказу начальника штаба РККА в конце 1931 года в Хабаровске был сформирован отдельный разведывательный радиовзвод, который к маю 1932-го развернули в 8-ю отдельную тяжелую радиопеленгаторную роту.

В 1932 году приступили к созданию радиоразведки и на южных рубежах. Отдельные тяжелые радиопеленгаторные роты сформировали в Кавказской Краснознаменной армии и в Среднеазиатском военном округе.

Все эти масштабные мероприятия, выделение подразделений радиоразведки из радиобатальонов, увеличение численности командиров и солдат службы автоматически поставили в повестку дня проблему качественного улучшения подготовки личного состава. Ведь в ту пору среди молодого пополнения было достаточно призывников, которые являлись малограмотными, а то и вовсе не умели ни читать, ни писать.

Начинается работа по улучшению отбора будущих молодых воинов, а также по сохранению и закреплению за радиоразведкой увольняемых в запас специалистов.

Многое делалось в этом направлении непосредственно в самих радиоразведывательных подразделениях. Если возникала необходимость, учили читать и писать, а тех, кто владел грамотой, обучали в так называемых кружках по исправлению почерка. В одной только радиопеленгаторной роте Ленинградского военного округа было создано пять таких кружков.

Чрезвычайно важные для радиоразведки директивы издало административно-мобилизационное управление Красной армии в 1935 и в 1936 годах. Документы эти были поистине

революционными и посвящались особому отбору призывников для подразделений радиоразведки.

Так, директивами предписывалось производить тщательный персональный предварительный отбор призывников. В радиоразведку должны были направляться исключительно члены партии или комсомольцы, по социальному положению – только рабочие. В первую очередь отбирались молодые люди, имеющие специальность радистов и образование не ниже 5 классов.

По тем временам требования весьма высокие. И это, безусловно, дало свои результаты – качество молодого пополнения для радиоразведки резко повысилось.

Интенсивным было и обучение радиоразведчиков в период службы в армии. Для сохранения лучших специалистов в 4-й отдельной пеленгаторной роте по инициативе ее командира Е. Ефимова-Иванова (Украинской военной округ) развернулась подготовка командиров взводов из числа сержантов сверхсрочной службы.

Взводных командиров готовили также из числа выпускников институтов, находящихся в запасе. Их призывали на годичную стажировку в войска, в последующем постоянно привлекали к лагерным сборам.

Для солдат-радиоразведчиков важным направлением подготовки была выработка способностей длительного приема радиопередач на слух.

В 1936 году удалось значительно сократить срок подготовки молодых радистов в учебном подразделении. Теперь вместо 12 месяцев их обучали за 4–5 месяцев.

Важным этапом в развитии и становлении радиоразведки стала организация приемных центров, когда в одних руках, под единым командованием из разрозненных приемо-слежечных постов создавался мощный узел, занимавшийся перехватом всех типов радиопередач.

В мае 1932 года решением Реввоенсовета в войсках вводились приемные центры. Организационно эти центры входили в штаты отдельных тяжелых радиопеленгаторных рот.

Центры обработки сведений были включены в штаты радиоразведывательных подразделений позже. Сначала в 1933–1934 годах развертывались нештатные центры за счет использования внутренних возможностей. В это время стали апробироваться и методы обработки добываемых материалов. Примером тому может служить обработка пленгов. Пока радиостанций было недостаточно, линии пленгов наносились сразу на карту.

Однако число работающих в эфире станций постоянно возрастало, и линии пленгов стали наносить на кальку, которую крепили к карте. В дальнейшем не спасала уже и калька, и прокладку пленгов стали делать с помощью ниток. И этот «ниточный метод» просуществовал довольно долго, постоянно совершенствуясь.

Организации и развертыванию центров обработки сведений способствовала и законодательная база того времени – в 1933 году вышел первый документ под названием «Методика радиоразведки». Он обобщил и проанализировал отработанный и накопленный опыт работы.

В следующем году увидело свет «Наставление по радиоразведке в Красной армии», изданное Управлением начальника связи РККА. Тогда же подготовили и проект реорганизации радиоразведывательной секции военной разведки. И хотя этот проект не был принят, так как его реализация требовала увеличения численности штата Разведуправления, он внес свой вклад в дело укрепления радиоразведки.

В нем нашел отражение новый взгляд на структуру радиоразведки. В частности, высказывалось предложение свести фронтовые и армейские средства радиоразведки в дивизионы, а радиоразведывательные корпусные средства – в роты.

Дивизиям предлагалось на время боевых действий придавать взвода пеленгаторов.

Важен был и еще один аспект. Проект предусматривал формирование радиоразведывательных частей, которые работали бы в интересах противовоздушной обороны больших объ-

ектов, наблюдение за прорвавшимися в тыл группировками противника, а также обеспечение радиоразведкой объединений, не имеющих собственных радиоразведывательных средств.

Здесь следует отметить, что еще в 1931–1933 годах в планы командования РККА закладывалась, я бы сказал, прорывная задача – развертывание сети стратегических радиопеленгаторов с дальностью действия до 4000 км.

На западе эти пеленгаторы планировалось разместить в Мурманске, Новгороде, на юге – в Николаеве, Батуми, на Дальнем Востоке – в Охотске и Иркутске, в Средней Азии – в Ташкенте. Так вот этот документ и возлагал ведение глубокой стратегической радиоразведки, а именно – разведки радиостанций главного командования противника, штабов фронтов и армий, крупных военно-морских и военно-воздушных баз – на стратегическую радиоразведывательную сеть командования РККА.

К 1934 году в радиоразведке было введено централизованное управление пеленгованием. Теперь приемному радиоцентру роты передавалось управление пеленгаторами всех пунктов. Передавался также командный приемник и приемники, предназначенные для ведения перехвата.

...Наступил 1935 год. Его можно считать годом коренных перемен в истории развития радиоразведки. Увеличилась численность командиров и военнослужащих, возросло техническое оснащение, в войска поставлялись новые образцы. Радиоразведка приобрела определенный опыт.

Все это заставляло искать новые формы организации службы и методов ее работы.

Именно в этот год была окончательно определена форма организации радиоразведывательной воинской части. Им стал отдельный разведывательный радиодивизион.

Таким образом, на базе отдельных тяжелых радиопеленгаторных рот было создано 9 отдельных разведывательных радиодивизионов. По одному – в Ленинградском, Белорусском, Среднеазиатском, Забайкальском военных округах и Кавказской Краснознаменной армии, по два – в Украинском военном округе и Особой Краснознаменной Дальневосточной армии.

В штате радиодивизиона состояли: приемный центр и центр обработки, 4 пеленгаторных пункта и учебная рота. Теперь в дивизионе было 20 автомобилей.

Радиодивизион как форма организации просуществовал до конца Великой Отечественной войны.

В Центре также была изменена структура руководящего органа радиоразведки. Теперь вместо секции развернули отдел из трех отделений – оперативного, организационно-мобилизационного и технического.

В научно-исследовательском институте связи создали отдел радиоразведки, куда вошла и ранее работавшая пеленгаторная лаборатория института.

При подведении итогов 1935 года руководство разведуправления так оценило нынешнее состояние службы: «Благодаря чрезвычайной помощи высших органов и очень большой старательности подчиненных частей радиоразведка за последний год сделала большой шаг в своем развитии. Выражаясь образно, она крепко вцепилась в противника и, надо полагать, его не выпустит».

И действительно, эта оценка была вполне реальной. Только за 1935 год радиоразведка Красной армии вскрыла более 30 способов кодирования радиogramм противника. Эта работа успешно велась сразу в нескольких дивизионах – в 1-м дивизионе Ленинградского военного округа умело действовали помощник командира взвода Мухин и командир отделения Куивкаев, в 4-м дивизионе Киевского военного округа – начальник штаба Уханов, помощники начальника центра обработки Мальцев и Рогожников, переводчик Яценко.

На Дальнем Востоке начальник штаба 8-го дивизиона Лиокай вместе с командиром взвода Плигиным, переводчиком Сорокиным и начальником приемного центра Мудровым вскрыли код, применявшийся в сети командования японской армии.

Однако были и узкие места, например, проблема внутренней связи в частях радиоразведки. Для ее решения некоторым дивизионам предоставили постоянные провода, но тем не менее эта проблема окончательно оказалась не решенной. Более того, проводная связь, как средство обеспечения синхронной работы, подвергалась сомнению.

«Я неоднократно задумывался над вопросами управления, – писал в 1935 году в Центр командир 3-го радиодивизиона К. Нехайчик, – очерченными в соответствующих приказах Наркома, применительно к своей части. Речь идет об управлении дивизионом именно в военное время. У меня почему-то складывается впечатление, что пользование (тем более регулярное) постоянными проводами для связи штаба с радиоразведывательными пунктами – вещь проблематичная.

Рождается мысль о желательности иметь при каждом радиоразведывательном пункте и штабе какую-то, по габаритам маленькую, но достаточно дальнобойную коротковолновую радиостанцию. В этом случае при наличии гибкого кода или шифра можно было бы не бояться длительных перерывов (нарушений) проводной связи».

К. Нехайчик оказался прав. Это подтвердили учения войск Московского военного округа. В приказе по войскам, подводившем итоги маневров, отмечалось: «Радиоразведка не могла в полной мере выполнить задачу. На результатах ее работы сказалось отсутствие проводной связи с одним из пеленгаторов. Радиоразведка не могла определить местонахождение радиостанций».

И тем не менее, несмотря на недостатки и нерешенные проблемы, следовало признать: в последние годы радиоразведка сделала серьезный прорыв и стала реальной силой в борьбе с противником. В основе прорыва лежал большой труд людей – командиров, бойцов, специалистов радиоразведки.

В 1936 году этот воинский труд был по праву отмечен: радиоразведчик К. Нехайчик награжден орденом Ленина, И. Миронов и В. Мухин – орденами Красной Звезды. Орденов «Знак Почета» были удостоены К. Ботнер и С. Грабияш.

«И летели наземь самурай...»

17 июля 1936 года в эфир полетело сообщение. Фраза, повторенная радиооператором несколько раз, казалась вполне безобидной. «Над всей Испанией безоблачное небо», – звучало в радиоприемниках. Однако вскоре станет ясно: эта фраза – сигнал к путчу правых сил. Отряды Иностранного легиона и наемных марокканских войск начали действовать.

Уже через два дня, 19 июля газета «Правда» сообщала: «Часть армии в Марокко подняла оружие против Республики. Сухопутные, морские и воздушные силы, верные Республике, выступили против мятежников».

Вскоре путч охватил большинство гарнизонов, дислоцированных по всей Испании. Мятеж поддержали крупные землевладельцы, монархисты, фашисты, высшее духовенство католической церкви. Основную ставку путчисты делали на армию, особенно на офицерский состав.

«Военно-фашистским повстанцам в Марокко, – писала в те дни газета “Известия”, – удалось высадить десант на территории Испании, в районе Кадикса, и овладеть городом. Одновременно командующий второй дивизией в Севилье поднял там восстание против правительства и захватил власть в городе. Высадившийся в районе Кадикса, десант соединился с войсками, восставшими в Севилье».

Коммунистическая партия Испании обратилась с призывом подняться на защиту республики. Легендарная Пассионария – Долорес Ибаррури выступила по радио и произнесла слова, ставшие впоследствии знаменитыми: «Лучше умереть стоя, чем жить на коленях!»

Путчисты рассчитывали на быстрый захват власти, но республика стойко держалась. Мятежникам удалось закрепиться лишь в отдельных районах страны. Крупные города и промышленные области находились в руках республиканцев.

Большую опасность для республики представляли войска, развернутые в испанской зоне Марокко. Для того чтобы их перебросить в Испанию, генерал Франко обратился к Гитлеру и Муссолини с просьбой оказать помощь.

Фашистские вожди, разумеется, оказали такую помощь. Был создан воздушный мост между испанской зоной в Марокко и Севильей. Немецкие и итальянские транспортные самолеты перебрасывали наемников в Испанию. Вскоре этим занялся и итальянский флот.

Однако и это не помогло путчистам. И тогда Гитлер и Муссолини принимают решение о прямой интервенции. В начале августа в Испанию прибывают первые немецкие летчики, а итальянская авиация атакует военные корабли республиканцев.

В ответ на это в Испанию стали прибывать добровольцы из разных стран. Огромную помощь республиканцам оказал Советский Союз, поставлявший боевую технику, оружие, боеприпасы, продовольствие, медикаменты.

В героической борьбе испанского народа с фашизмом большую роль сыграли и советские военные специалисты, советники. 200 человек из них погибли. Многие были удостоены высших наград СССР и стали впоследствии известными военачальниками нашей страны. Среди них маршалы Р. Малиновский и К. Мерецков, адмирал флота Н. Кузнецов, генералы П. Батов, Н. Лященко, А. Родимцев, Я. Смушкевич, В. Рычагов, Я. Берзин, Х. Мамсуров, И. Проскуров.

Ныне широко известны подвиги советских «волонтеров свободы» – летчиков, танкистов, артиллеристов, диверсантов, военных моряков, действовавших в Испании. Но до сих пор мы ничего не знаем о боевой работе наших радиоразведчиков в охваченной войной республике.

Возможно, там и вовсе не было советских добровольцев из радиоразведки? Нет, такие добровольцы были. Просто о них как-то не говорили и не писали. А ведь прошло уже 70 с лишним лет с тех пор. Самое время вспомнить добрым словом имена радиоразведчиков, в числе первых вступивших в борьбу с фашистами.

...Война в Испании стала очередным этапом в становлении отечественной радиоразведки. Этап этот можно назвать предвоенным весьма условно, поскольку наши Вооруженные Силы, выражаясь современным языком, то и дело участвовали в «конфликтах малой интенсивности»: гражданская война в Испании 1936–1938 годов, бои у озера Хасан и на реке Халхин-Гол, советско-финский конфликт, освободительный поход в Западную Белоруссию и в Западную Украину. И всюду самое активное участие принимали наши радиоразведчики.

В 1936 году в Испанию выехала большая группа специалистов радиоразведки – А. Берсенева, В. Мухин, В. Плошай, Н. Прахин, В. Салин, Н. Шмырев, А. Юрьян. На замену им в последующие годы прибывали А. Анисимов, В. Ефремов, Е. Коссовский, В. Маркович, В. Модебадзе, Л. Сазыкин, И. Уханов.

Вместе с радиоразведчиками работали переводчицы З. Антонюк, Н. Павлова, Ц. Покровская.

В организации радиоразведки наши специалисты опирались на собственный опыт, накопленный в ходе учений и маневров. Здесь же появилась возможность проверить знания и опыт мирного времени на войне, в период боевых действий.

В Испании были развернуты четыре группы радиоразведки. Одна из них, центральная, действовала в Валенсии, остальные три – в Барселоне, Мурсии, Мадриде.

Каждая группа оснащалась двумя пеленгаторами – длинноволновым и коротковолновым – и несколькими приемниками.

Чему учили советские специалисты своих испанских коллег? Да всему тому, что умели сами: работе на радиоаппаратуре, обработке разведывательной информации, полученной в ходе перехватов, принципам ведения радиоразведки.

Наши и испанские радиоразведчики весьма умело вели работу по добыванию данных о расположении воинских частей путчистов, а также их союзников – итальянских экспедиционных дивизий, об аэродромах, на которых базировалась вражеская авиация.

Эти данные оперативно докладывались в штабы республиканского командования и советским военным советникам. Надо сказать, что информация, добытая радиоразведкой, использовалась весьма эффективно. Примером тому – Гвадалахарская операция.

...В начале марта 1937 года путчистами был разработан план захвата Мадрида. Теперь они решили вести штурм города с северо-востока. Но для этого следовало первоначально захватить Гвадалахару, столицу одноименной провинции в пятидесяти километрах от Мадрида.

На правом фланге сосредоточилась дивизия «Сория» под командованием Москардо, в которую входили 20 тысяч марокканцев и легионеров.

На левом фланге были готовы к атаке четыре дивизии итальянцев – «Черные рубашки» генерала Росси, «Черное пламя» генерала Копи, «Черные стрелы» генерала Нуволари и дивизия «Литторио» генерала Бергондзоли.

Их поддерживали 250 танков, 180 стволов артиллерии, рота огнеметчиков. С воздуха сухопутные силы прикрывали истребители и самолеты-разведчики.

Так вот, накануне наступления мятежников радиоразведке республиканцев под руководством наших советников удалось вскрыть места дислокации итальянских дивизий и проинформировать руководство о готовящемся наступлении. Это исключило момент внезапности.

Позже, когда «черные дивизии» вступили в бой, радиоразведчики отслеживали маршруты их движения и наводили республиканскую авиацию, которой и удалось остановить наступление на нескольких участках фронта.

Как известно, Гвадалахарская операция мятежников закончилась провалом. 18 марта республиканцы по всему фронту перешли в наступление.

В ходе этой операции итальянцы потеряли около 2 тысяч убитыми, 4 тысяч ранеными и 300 человек оказались в плену. Отличились советские танкисты, летчики и... радиоразведчики.

Успешно действовали республиканские «слухачи» и против вражеской авиации. О предстоящих налетах бомбардировщиков радиоразведка сообщала за 20–30 минут до подхода самолетов к объектам, расположенным на морском побережье.

Республиканская радиоразведка держала под своим контролем и корабли путчистов. Информация о районах их действия оперативно передавалась в штаб республиканских военно-морских сил.

В 1938 году одна из групп, которая дислоцировалась в Мадриде, развернула сеть из маневренных пеленгаторных подразделений. Один из опытейших наших радиоразведчиков, Л. Сазыкин, использовал в сети метод синхронного пеленгования. Команды на пеленгование подавались из приемного центра по радио.

Кстати говоря, возвратившись в Советский Союз из испанской командировки, В. Модебадзе и Л. Сазыкин внедрили этот ценный опыт организации пеленгаторной работы в двух дивизионах, дислоцированных в Ленинградском и Закавказском военных округах.

Тем временем международная обстановка все более обострялась, а это означало, что объем работы для радиоразведки возрастал. К 1938 году радиоразведка Красной армии наблюдала за деятельностью 3,5 тысячи радиостанций из более 20 стран. Соответственно, возрастал и поток разведанных, добываемых «слухачами» Разведуправления.

В июле 1938 года радиоразведка Особой Краснознаменной Дальневосточной армии (ОКДА) приняла участие в боевых действиях против японских агрессоров у озера Хасан.

29 июля полторы сотни японских солдат захватили сопку Безымянная. К вечеру советские пограничники отбили высоту.

На следующий день японцы вновь предприняли попытку захвата сопки Безымянная и Заозерная, но пограничники, командиры и бойцы 3-го батальона 118-го стрелкового полка отбили атаку.

31 июля нарком обороны К. Ворошилов приказал привести в полную боевую готовность войска Приморской армии и силы Тихоокеанского флота.

6 августа после артиллерийской подготовки и нанесенного авиационного удара части 32-й стрелковой дивизии с севера и 40-й стрелковой дивизии с юга нанесли удар с целью уничтожения японцев между сопкой Заозерная и озером Хасан.

9 августа в Москве японский посол М. Сигэмицу предложил мирные переговоры по урегулированию конфликта. Важно отметить, что свой весомый вклад в эту победу внесла и радиоразведка. Только за один 1938 год радиоразведчики ОКДА вскрыли состав и места дислокации более 700 частей и соединений японских и маньчжурских войск.

«...В отдельные периоды, – сообщалось в докладе Главному Военному совету НКО СССР (первые месяцы японо-китайской войны, операции японцев по захвату Нанкина и Ханькоу), – все 100 % разведывательных данных были данными радиоразведки.

75 % данных о перемещениях войск из Японии в Китай и Маньчжурию, а также о дислокации войск в зонах боевых действий были данными радиоразведки».

В период боев у озера Хасан свой первый боевой опыт обрели и радиоразведчики Тихоокеанского флота. Радиоразведка контролировала радиостанции японских военно-морских баз Майдзуру и Сасебо, корейских – Сейсин и Гензан, корабельные и судовые станции.

Так, в ходе перехвата переговоров между ледоколом «Отомари» и радиостанцией на побережье удалось установить факт проведения испытаний нового берегового пеленгатора.

В ходе обработки радиограмм были выявлены координаты ледокола, а также пеленги на него береговой станции. Далее прокладкой обратных пеленгов от ледокола удалось вскрыть месторасположение пеленгатора в районе города Немуро.

Через полгода с небольшим, после событий у озера Хасан, а точнее, 11 мая 1939 года японцы неожиданно напали на монгольские пограничные заставы в районе озера Буйр-Нур и продолжили расширять военные действия. Монгольские части вынуждены были отойти к реке Халхин-Гол.

По просьбе монгольского правительства Советский Союз решил оказать помощь в отражении агрессии. Командиром 57-го особого корпуса, преобразованного в 1-ю армейскую группу, был назначен Георгий Жуков. Задача перед группой стояла ясная и четкая – разгромить японские войска, вторгшиеся на монгольскую территорию.

Однако решить ее было не просто – перевес в силах и средствах оказался на стороне японцев. В июне японское командование сосредоточило 38-тысячную группировку со 135 танками и 225 самолетами. Советско-монгольские войска имели в своем составе 12,5 тысячи человек, 180 танков и 74 самолета.

Снабжение наших войска затруднялось тем, что ближайшая железнодорожная станция находилась в 750 километрах.

Жуков перешел к активной обороне. Японцы 3 июля форсировали реку Халхин-Гол и захватили плацдарм на ее западном берегу.

В районе прорыва японцев у нас свободных сил не было, и тогда Георгий Константинович ввел в бой прямо с марша 11-ю танковую бригаду и мотоброневые части. Японцы перешли к обороне.

В последующие дни японская группировка была разбита и отброшена на западный берег реки Халхин-Гол.

20 августа Жуков начал свое наступление, в ходе которого наши войска окружили и разгромили 6-ю японскую армию. Ее потери составили 61 тысячу убитыми, ранеными и пленными.

Так бесславно закончилась для японцев попытка проверить на прочность боевую мощь Красной армии.

В событиях на Халхин-Голе наряду с воинами других родов войска принимали участие и радиоразведчики. Здесь действовали 20-я отдельная радиоразведывательная рота и 10-я радиостанция ОСНАЗ.

По отзывам командования, со своими задачами радиоразведчики справлялись, хотя их действия в ходе общевойсковых операций носили весьма ограниченный характер.

Тем не менее сошлюсь на один эпизод, о котором мне неоднократно рассказывали ветераны радиоразведки. А дело в том, что Георгий Жуков, для того чтобы скрыть направление главного удара, развернул большие демонстрационные инженерные мероприятия по возведению оборонительных сооружений. Однако демонстрация демонстрацией, но Жукова мучил вопрос: поверили японцы в его «оборонительные намерения» или нет? Это было принципиально важным. Но как проверить?

Ответ на мучавший всех вопрос дали радиоразведчики. Они перехватили радиограмму, в которой японцы сообщали друг другу, что русские возводят оборону прочно и на большую глубину.

Словом, радиоразведка подтвердила, что план Жукова по введению в заблуждение противника удался. Правильность этих данных была подтверждена боевыми действиями.

Под стать своим сухопутным коллегам действовали и радиоразведчики Амурской Краснознаменной флотилии. Они своевременно выявили выход из Харбина 16 кораблей противника с морской пехотой на борту. Корабли двигались в район нижнего течения реки Сунгури с последующим прибытием на Амур.

При подходе к устью Сунгури силы Амурской флотилии пресекли попытки японских судов нарушить советские территориальные воды. Японцы повернули назад.

...1939 год был богатым на военные конфликты. Не успели затихнуть бои у реки Халхин-Гол, как зимой, в ноябре вспыхнула советско-финская война.

Радиоразведка еще летом докладывала о концентрации войск финской армии в приграничных с Советским Союзом районах.

На территории страны усиленными темпами возводились военные базы, арсеналы, укрепленные районы. Строительство шло с помощью иностранных специалистов.

Так, при финансовом и техническом участии западных стран на Карельском перешейке была построена «линия Маннергейма» – мощная система долговременных укреплений. Она состояла из трех основных полос и двух промежуточных. На основных полосах разместилось более 2 тысяч дотов и дзотов.

Кроме «линии Маннергейма», Финляндии удалось построить большое количество военных аэродромов. Достаточно сказать, что эти аэродромы могли принять в несколько раз больше самолетов, чем их насчитывалось в финских ВВС.

Столь серьезные военные устремления северного соседа не могли не волновать руководство Советского Союза. Тем более что 1 сентября 1939 года в Европе уже началась война. Пришлось предпринять не только дипломатические меры, но и сугубо военные, дабы укрепить северо-западные рубежи.

В октябре в Ленинградский округ началась переброска соединений и частей из внутренних округов. Усиливалась группировка войск на Карельском перешейке, в Карелии, на Крайнем Севере. Авиация вела постоянную разведку дислокации финских частей.

В свою очередь, финны также развернули свои соединения и части в приграничных районах, призывали в армию резервистов. Из приграничной зоны началась срочная эвакуация жителей в глубь страны.

Для Советского Союза большой проблемой была уязвимость сухопутных и морских подступов к Ленинграду. Советско-финская граница проходила всего в 32 километрах от города. Руководство страны неоднократно пыталось решить эту жизненно важную проблему мирным, дипломатическим путем. Увы, не получилось.

И тогда 30 ноября войскам Ленинградского военного округа был отдан приказ: «Перейти границы, разгромить белофинские войска, раз и навсегда обеспечить безопасность северо-западных границ Советского Союза и города Ленина – колыбели пролетарской революции».

Радиоразведка Ленинградского округа была развернута по штатам военного времени: создан 336-й фронтовой дивизион. Он действовал на Карельском перешейке, там, где происходили основные события войны с белофиннами.

Кроме него, был сформирован 338-й армейский радиодивизион. Его перебросили в район Ухты, что в Карелии.

К февралю 1940 года отобилизовали еще один армейский дивизион – 339-й, а также три корпусные разведывательные роты.

Условия, в которых пришлось действовать, прежде всего 336-му дивизиону, оказались крайне сложными. Для обеспечения разведки войск противника в тактической зоне обороны на «линии Маннергейма» необходимо было приближение средств радиоразведки к финскому переднему краю.

Руководство дивизиона сумело справиться с решением этой непростой задачи: на Карельский перешеек были выдвинуты передовой приемный центр, оперативное отделение и мобильные маневренные пеленгаторные группы.

Важно подчеркнуть, что в группах, кроме штатных пеленгаторов, появился срочно разработанный всеволновый рамочный радиопеленгатор. Он перекрывал диапазон, который использовался финскими войсковыми радиостанциями.

Эти мобильные пеленгаторные группы оперативно определяли места дислокации штабов, пунктов управления в тактической зоне.

Операторы дивизиона уверенно выполняли задачи и по разведке военно-воздушных сил противника. Пеленгованием устанавливались координаты аэродромов. Время вылета определялось по характерным особенностям в радиосвязи.

Используя данные радиоразведки, наши пилоты старались встретить финские бомбардировщики противника как можно раньше, зачастую над его собственной территорией.

Радиоразведчики Балтийского флота в период советско-финской войны работали над выявлением районов пребывания кораблей противника и вскрытием маршрутов морских перевозок в Финском и Ботническом заливах. Большинство данных флотских «радиослухачей» подтверждалось результатами воздушной разведки.

В освободительном походе на Западную Белоруссию, Западную Украину и Бессарабию вместе с советскими войсками действовали и радиоразведчики Белорусского и Киевского военных округов.

Оперативные дивизионы переводились на штаты военного времени, однако из-за недостатка призывного состава план мобилизационного развертывания так и не был выполнен. Поэтому всю работу по добыванию развединформации пришлось вести кадровым радиодивизионам.

...Завершились 30-е годы. Великая Отечественная война уже стояла на пороге.

Часть вторая

«22 июня, ровно в четыре часа...»

Лейтенант Алексей Бушуев вместе с шофером Сорокой и фельдъегерем Савкиным выехал в местечко Любыча Руда еще затемно. Летняя июньская ночь коротка, и потому лейтенант спешил. Ему хотелось до рассвета доложить командиру дивизиона, что приказ выполнен и позицию радиопеленгаторного пункта он перенес подальше от границы.

Дело в том, что вчера утром, 21 июня, командиру радиоразведывательного дивизиона майору Котову не понравилось место дислокации пеленгаторного пункта. Тот оказался всего в полутора километрах от границы. Однако этого Бушуев не знал, когда выбирал позицию для размещения своего подразделения. Приглянулась ему полянка в лесу, тут и расположились. А поскольку крупномасштабной карты у него не было, показалось, что лучшего места не найти.

У командира дивизиона после осмотра позиции сложилось иное мнение. Он вручил лейтенанту листочек папиросной бумаги, на которой была напечатана так называемая вводная на учение. В этой вводной указывалось, что противник перешел государственную границу, нанес удар и захватил рубеж. Наши части контратаковали и к 21 июня отбросили противника на государственную границу.

К вводной командир дивизиона добавил единственное: пункт слишком близко выдвинут к границе. Следует перенести позицию в глубь нашей территории и к рассвету 22 июня доложить во Львов, в штаб дивизиона.

Лейтенант Бушуев приказ выполнил и теперь торопил шофера машины-полуторки. Надо было лесной дорогой доехать до местечка Любыча Руда, где находилась ближайшая телефонная станция, заказать междугородний разговор со Львовом и доложить, как положено по форме.

Телефонная станция занимала одно крыло большого рубленого дома. За пультом сидела девушка-телефонистка. Она приняла заказ и устало кивнула: «Ждите». После этого стала вызывать Львов. Однако Львов упорно не хотел отвечать. Она время от времени виновато смотрела на лейтенанта и в недоумении пожимала плечами.

– Алло, Львов! Алло, ответьте Любыча Руде! – звывала телефонистка в микрофон.

Вдруг она замерла, в упор глядя на Бушуева. Глаза ее испуганно расширились, казалось, девушка слышала нечто очень страшное. Телефонистка неожиданно сорвала с головы наушники, бросила их на стол, заплакала, в сердцах крикнув Бушуеву:

– Связи не будет!..

И в то же мгновение лейтенант услышал нарастающий гул самолетов, взрывы, далекие ружейные выстрелы. Он выбежал на крыльцо.

В сторону погранзаставы мимо него пробежал офицер. От погранзаставы промчалась машина, в кузове женщины, дети. «Семьи пограничников», – отметил про себя Бушуев.

Он вскочил в полуторку, крикнул шоферу:

– Сорока, гони на пункт!

Проехав метров двести, машина свернула на проселочную дорогу, к дому лесника. Минув двор, автомобиль выскочил из ворот.

– Товарищ лейтенант, – вдруг испуганно спросил шофер, – кто это?

Бушуев также увидел впереди, в полсотне метров, каких-то военных. Но каски были не наши, чужие.

– Немцы, – выдохнул лейтенант.

Сорока ударил по тормозам, машина клюнула носом и остановилась. Едва они успели выскочить из кабины, как по ним ударили немецкие автоматчики.

«Нарушители границы, – подумал Бушуев, – надо сообщить на заставу».

Они вернулись назад, пробежали через двор лесника и оказались на опушке леса. Навстречу им, как ни в чем не бывало, шел крестьянин и вел под уздцы лошадь.

– Как выйти к деревне? – спросил Бушуев.

– В деревню нельзя, – ответил мужик. – Там уже немцы.

Лейтенант с водителем бросились в сторону погранзаставы.

Вскоре за спиной они слышали лошадиный хrap и чьи-то покpики. Их догнала повозка с двумя пограничниками. Они были в расстегнутых гимнастерках, без оружия. Притормозив лошадь, ездоки крикнули:

– Залезай, ребята...

Бушуев и Сорока запрыгнули в повозку. Лейтенант пытался собраться с мыслями: что происходит? Но сосредоточиться было почти невозможно. Мимо них, погоняя разгоряченную лошадь, промчался какой-то лейтенант, следом за ним бежала толпа солдат. В небе гудели самолеты.

«Надо что-то делать, – пытался сообразить Бушуев. – Но что?» Они слезли с повозки. Обстановка – сам черт не разберет. Но ясно одно: произошло нечто страшное, непоправимое. Его подразделение попало в плен или вовсе уничтожено. Пробриться к нему невозможно.

Там, на пеленгаторном пункте вместо него остался зеленый лейтенант Лопурко – вчерашний выпускник училища. Только что он мог сделать?!

Бушуев был в шоке. Он, командир, стоит здесь живой и здоровый, а его подразделение погибло. Мелькнула мысль: застрелиться. Иначе ведь все равно трибунал. Он отогнал дурные мысли. Решил не сдаваться.

Сначала на попутных машинах стали добираться до Равы-Русской, где находилось место постоянной дислокации пеленгаторного пункта. Добрались. С помощью солдат, которые оставались для охраны подразделения, стали готовить технику, имущество, секретные документы для эвакуации.

Бушуев постоянно пытался дозвониться до Львова, но сделать это так и не удалось. Тогда лейтенант принял решение и направил шофера Сороку на поезде во Львов, дабы тот мог доложить командованию о случившемся.

В середине дня из штаба дивизиона прибыли бойцы для комплектования подразделения. С ними прислали грузовые автомашины и мотоцикл с коляской. К радости лейтенанта Бушуева, с новобранцами приехали и его радисты, которые находились на учебном сборе во Львове. Теперь они стали основой для будущего подразделения.

К концу дня 22 июня пеленгаторный пункт был укомплектован и выведен в новый район дислокации, который располагался ближе к Львову.

Однако до этого района еще надо было добраться. Ночь с 22 на 23 июня прошла на марше. Навстречу колонне пеленгаторного пункта к границе шли подразделения, на дороге постоянно возникали заторы. Водители двигались в непривычной обстановке, с выключенными фарами.

Чувствовалось незримое присутствие немецких диверсантов. Вдоль дороги взорванные телефонные столбы, оборванные провода. Радисты то и дело слышали сообщения, что на Львов двигаются немецкие танки. В самом Львове с крыш и верхних этажей домов обстреливали воинские колонны.

На пятый день войны пеленгаторный пункт под командованием лейтенанта Алексея Бушуева был придан разведотделу штаба 6-й армии и выполнял задачи в его интересах.

«Общая обстановка была сложной, – вспоминал те дни полковник в отставке Алексей Бушуев, – наши войска отходили. Нас часто бомбили. Подразделение, действуя самостоятельно, имело ограниченные возможности по определению местонахождения выявлен-

ных радиостанций противника, так как пеленгация велась с одной точки, то есть только по направлению. А для радиоперехвата микрофонных передач требовался переводчик, которого не было.

И тем не менее в этой сложной обстановке, которая характеризовалась встречными танковыми боями в районах Злочев, Броды, Дубно, подразделение добывало полезные сведения о дислокации и составе действующих немецких войск.

Начальник разведки армии ждал и ценил получаемые сведения».

В июле 1941 года пеленгаторный пункт лейтенанта Алексея Бушуева был отозван в часть, которая располагалась под Киевом, в лесу близ местечка Бровары.

Немцы в этот период развертывали наступление на Киевском направлении.

Наступил сентябрь 1941-го. Трагические события под Киевом – окружение войск Юго-Западного фронта. В страшном киевском котле оказался и 394-й отдельный радиодивизион, в состав которого входил пеленгаторный пункт лейтенанта Бушуева.

Погибли командир дивизиона майор Георгий Котов, комиссар политрук Владимир Ялов, часть личного состава. Только два периферийных подразделения дивизиона – радиопеленгаторные пункты лейтенантов Льва Чинарова и Алексея Бушуева – не пострадали. Они вовремя вышли из угрожаемого района.

Знамя части было вынесено из окружения старшиной Иваном Захарченко, и поэтому дивизион сохранился, пополнился новыми офицерами и бойцами, техникой. Боеспособность его вскоре была восстановлена, и он продолжил свой путь.

В той или иной мере судьбу 394-го радиодивизиона разделили и другие части радиоразведки Красной армии в первые дни и месяцы войны.

Да, данные разведки о подготовке фашистской Германии к войне на Советский Союз были, однако само нападение в ночь на 22 июня 1941 года оказалось для нас тактически внезапным. Радиоразведывательные дивизионы и их подразделения оказались слишком близко выдвинуты к государственной границе. Отсюда и большие потери в командном, личном составе, технике, автотранспорте.

Так, 480-й дивизион Белорусского военного округа, отходивший из Белостока, к июлю 1941 года потерял основную часть своего личного состава. В строю осталось всего 25 человек, два пеленгатора и 6 радиоприемников.

541-й дивизион Прибалтийского военного округа утратил два подразделения, которые дислоцировались в Литве. Только в первые 5 дней войны потери составили 20 % личного состава и 25 % радиопеленгаторов.

А вот как начало войны вспоминает Алексей Усков, который служил начальником радиопункта 474-го дивизиона. Пункт его был переброшен в Брест, потом в район Любомля.

«Проснулся я 22 июня внезапно, – пишет Алексей Михайлович, – сел на постели и вижу, на одеяле земля и осколки стекла. На улице пыль и дым, резко пахнет сгоревшим порохом. Со сна ничего не пойму. За окном раздался грохот рвущихся снарядов и мин. И тут я понял: началась война.

Быстро оделся, бросился к полемому телефону, но связи уже не было. Взял в одну руку револьвер, а в другую полевую сумку, выскочил в окно, забежал в соседний дом, где были почта и телеграф для связи с городом Любомль, но и эта линия не работала.

Напрямую через поле я побежал на радиопункт.

Вскрыв пакет, ознакомился с инструкцией, согласно которой, в случае начала боевых действий пункт должен немедленно передислоцироваться на 20 км от занимаемого района на восток.

За время, предусмотренное инструкцией, радиопункт был свернут, и мы начали движение в направлении к городу Любомль.

При въезде в Любомль встретили подразделения стрелкового полка, развертывающиеся в боевые порядки и двигавшиеся к границе. Здесь я развернул радиопункт, поставив задачу вести поиск открытых радиопередач...

В течение дня 22 июня регулярно через два часа доставлял на КП полка данные радиоперехвата. Вечером нам было приказано свернуть пункт и следовать в штаб корпуса в Ковель. Командиром корпуса в то время был полковник И.И. Федюнинский, в будущем генерал армии.

В Ковель прибыли в полном составе, потеряв за это время лишь одну машину. В штабе корпуса я получил приказ немедленно следовать в расположение штаба Западного фронта.

28 июня 1941 года мы прибыли в город Столин, где сделали небольшой привал. Первоначально у нас было намерение пробиваться в город Кобрин, где должен был находиться штаб 4-й армии Западного фронта, но мы узнали, что Кобрин уже занят противником. Тогда было решено через Пинск попытаться пробиться в Барановичи или ближе к Минску.

Только 14 июля мы добрались до штаба 4-й армии. Через несколько дней нам приказали следовать под город Смоленск, в штаб Западного фронта, куда мы и прибыли 23 июля.

Наш 474-й дивизион располагался у шоссе Москва – Минск при въезде в Красный Бор. Шли ожесточенные бои за Смоленск. Мы узнали, что в первые дни войны при отходе от Бреста и Минска 480-й дивизион понес большие потери в личном составе и технике.

Наш дивизион потерял один радиопункт в полном составе. Несколько человек были убиты уже в Красном Бору при бомбежке и обстреле с воздуха».

Так, в первые недели войны радиоразведке Красной армии пришлось усвоить горький урок: в условиях ожидаемого удара противника нельзя выдвигать радиоразведывательные подразделения близко к границе и подвергать их реальному риску.

Стала ясна и еще одна трагическая ошибка. Советские радиоразведчики во второй половине 30-х годов активно занимались разведкой сопредельных с СССР государств. Однако с началом Второй мировой войны в 1939 году мало что изменилось. Радиоразведка не была перенацелена на Германию, что крайне отрицательно сказалось на ее подготовке к боевым действиям.

В подтверждение этой мысли хочется привести слова нашего старейшего радиоразведчика, участника войны в Испании полковника Вениамина Мухина:

«...Наиболее отрицательные последствия были вызваны тем, что в службе не знали радиосвязи противника. Не знали, какие радиосети создаются в войсках, в диапазонах каких частот работают радиосети различного предназначения, какие методы использования частот и позывных применяются в различных радиосетях, чем отличается радиосвязь в различных родах войск и различных уровнях одного рода войск».

Немцы же, наоборот, к моменту своего нападения на Советский Союз накопили большой опыт. Гитлеровская радиоразведка располагала совершенными по тому времени техническими средствами, имела знающие, квалифицированные кадры.

Подразделения немецкой радиоразведки имели в своем штате как стационарные, так и передвижные пункты. На стационарные разведпункты возлагались обязанности по контролю за нашими государственными радиосетями, на передвижные – за войсковыми и партизанскими.

«Немцы с исключительной педантичностью вели наблюдение за работой наших раций и перехват наших передач, – пишет в своей книге “Позывные Москвы” генерал Иван Артемьев, начальник связи Центрального штаба партизанского движения. – Нередко они извлекали из этих данных немалую пользу, в чем неизменно были виноваты мы сами.

В начале войны, прямо скажем, некоторые командиры не скупались на открытые разговоры, использовали для важных передач переговорные таблицы радистов и другие двузначные коды. В войсках, особенно на переднем крае, прибегали к совсем прозрачному засекречиванию: командира называли “хозяином”, часть – “хозяйством”, танки – “коробочками”, минометы – “самоварами”. Все это было не чем иным, как самообманом.

Разгадывать подобные коды не представляло никакого труда.

...Станции слежения противника отмечали даже такие детали, как настроение лиц, ведущих переговоры: веселое, угнетенное или возбужденное. От них не ускользали, казалось бы, самые пустяковые мелочи».

А нам пока было далеко до настроения немецких радистов или их «пустяковых мелочей». Как говорят, не до жиру, быть бы живу...

Действительно, в 1941-м во многом приходилось начинать практически с нуля. Ведь отсутствие данных о принципах и особенностях организации радиосвязи в сухопутных войсках вермахта и ВВС Германии не давало возможности оперативным отделениям радиодивизионов вскрывать разведывательные признаки, необходимые для добывания нужной развединформации.

В той сложной оперативной обстановке, при постоянном отступлении, резко изменившихся условиях работы главным источником добывания сведений был перехват открытых радиопереговоров, которые достаточно широко применялись фашистскими войсками.

Так, на Юго-Западном направлении радиоразведке удалось вскрыть замысел штаба 1-й танковой группы Клейста, готового бросить в наступление свои механизированные и танковые дивизии.

Разведданные о действиях 4-й немецкой танковой группы на Северо-Западном направлении также вовремя были доложены нашему командованию.

Командующий Резервным фронтом в ходе ликвидации так называемого Ельнинского выступа оперативно получил информацию от радиоразведки о танковых частях фашистов, оставшихся без топлива.

На Ленинградском фронте радиоразведчики уже в 1941 году наладили перехват метеорологических сводок в районе Балтийского моря, которые передавали шведские радиостанции. Сводки применялись для деятельности нашей дальней авиации.

И тем не менее, несмотря на отдельные удачные перехваты, это были лишь эпизоды в работе радиоразведки. Они, разумеется, не могли обеспечить командование разведсведениями в полном объеме.

Пеленгование, которое велось по заданиям, составленным на неделю, затруднялось отсутствием хорошо налаженной радиосвязи. Результаты пеленгования доставлялись в оперативное отделение дивизиона, как правило, раз в сутки на автомашине или мотоцикле. Конечно, эффективность такого пеленгования в условиях постоянного передвижения частей и подразделений была низкой.

Следует отметить, что основным средством связи в радиоразведывательных дивизионах, к сожалению, оставались проводные средства. Радиосвязь как управление боевыми подразделениями применялась редко. И это порою становилось причиной неоправданных потерь. Так, в августе 1941 года из-за нарушения радиосвязи, не получая вовремя ориентировок из штаба части, попал в окружение радиопункт 469-го дивизиона Южного фронта.

С трудом вышел из немецкого кольца и едва не погиб от фашистских танков пеленгаторный пункт 370-го дивизиона, которым командовал лейтенант Владимир Ларионов.

О тех трагических днях Владимир Александрович вспоминал так: «В июле обстановка резко изменилась, хотя надо прямо сказать, что начальник радиопеленгаторного пункта всегда эту обстановку знал плохо. Ориентировки из дивизиона, как правило, запаздывали, а местные штабы войск, возле которых развертывались РП, никаких обязательств по их информированию не имели.

Как-то, помнится, развернулись мы в районе города Вознесенск, на восточном берегу реки Южный Буг.

Не прошло и нескольких дней пребывания на этой позиции, как рано утром наблюдатели, выставленные для охраны, услышали со стороны оврага шум танковых моторов. Вскоре мы

увидели немецкие танки с фашистскими крестами на броне, которые, судя по их действиям, искали место для прохода через овраг в нашу сторону.

Что делать начальнику пункта? Средств борьбы с танками нет, приказа от командира дивизиона о передислокации в новый район тоже нет, а танки уже почти рядом.

Я отдал распоряжение немедленно свернуть пункт. Через 15–20 минут подразделение было готово к движению. Решил двигаться вдоль восточного берега реки Южный Буг в направлении Новой Одессы.

Отъехали километров пятьдесят. За Новой Одессой развернулись, и я сразу же получил по радио приказ: “Немедленно свернуться и передислоцироваться в район Новая Одесса”. А мы уже там. Сперва подумал: “А не рано ли я снялся со старого места и убыл в Новую Одессу без приказа?” Однако уверенность в том, что действовал правильно, что сберег личный состав и технику, устранила все сомнения».

Вот такой очень показательный эпизод.

Успешнее нашим радиоразведчикам удалось освоить радиосвязь самолетов бомбардировочной немецкой авиации. Радиосети работали на общих частотах как для бортовых, так и для наземных радиостанций. В свою очередь, самолетные радиостанции отличались характерными только для них позывными. Примером удачной работы против авиации Германии может служить весьма эффективная деятельность 490-го радиодивизиона ОСНАЗ, передислоцированного из Ташкента под Москву. Радиоразведчики этого дивизиона освоили радиосвязь немецких ВВС и вовремя информировали командование ПВО о налетах фашистской авиации на Москву. Рассказ о деятельности этого дивизиона еще впереди.

Сложнее было освоить и взять под контроль радиосети сухопутных войск вермахта. Ведь с началом войны количество работающих в эфире станций фашистских войск выросло в десятки раз. Чтобы разобраться в этой сложнейшей радиообстановке, надо было знать принципы организации радиосвязи противника.

Так вот освоение этих принципов началось уже в августе 1941 года с захвата трофейных документов.

На Западном фронте нашими бойцами было захвачено наставление по радиосвязи сухопутных войск Германии. Наставление это подверглось тщательному изучению и анализу. И вскоре во все части ОСНАЗ была направлена справка о видах организации радиосвязи – круговой, сетевой, линейной, звездообразной в соединениях немецких сухопутных войск.

В справке также указывались диапазоны рабочих волн радиостанций штабов, правила радиообмена, условные сокращения и открытые сигналы, применяемые противником.

Такой документ, что называется, был на вес золота. Он помог радиоразведчикам разобраться в обстановке, перейти от сугубо технических характеристик к оперативному ее осмыслению.

Большую помощь в изучении и практическом освоении радиосвязи фашистских войск оказали и захваченные в августе 1941 года трофейные таблицы секретных позывных. В разведотделы фронтов были направлены ориентировки по распределению позывных в немецких группах армий «Север», «Центр», «Юг», а также входящих в их состав полевых армий, танковых групп, авиационных соединений и объединений.

Получив материалы отдела радиоразведки ГРУ, дивизионы приступили к разведке радиосетей конкретных частей и соединений фашистских войск. В свою очередь, оперативные отделения разрабатывали соответствующие схемы радиосвязи.

Овладение методами разведки и разработки радиосетей сухопутных войск и авиации противника позволило нашей радиоразведке в сравнительно короткий срок обеспечить получение достоверных данных о фашистских частях и соединениях.

«В конце 1941-го – начале 1942 года, – делится своими воспоминаниями полковник в отставке Петр Добродий, – положительные результаты в обработке разведывательных сведений

по радиосвязи были получены в частях ОСНАЗ Западного фронта, в том числе и в 490-м радиодивизионе, где я проходил службу в группе обработки сведений по сухопутным войскам.

В результате было установлено расположение штабов: всех входивших в группу армий “Центр” полевых армий (2, 4 и 9), всех танковых армий (2, 3 и 4), 15 армейских корпусов и 28 дивизий.

К маю 1942 года в составе этой группировки были вскрыты штабы 20 корпусов и 55 дивизий. Хуже обстояло дело в частях ОСНАЗ Ленинградского фронта, и, главным образом, по той причине, что по соображениям ложной конспирации из разведотдела фронта не были спущены в части, полученные из ГРУ, указанные выше документы по организации радиосвязи в немецкой армии».

Сложная боевая обстановка заставляла заниматься поиском новых форм организации работы радиоразведки. К сожалению, не всегда этот поиск был успешным. Примером тому деятельность разведотдела штаба Южного фронта, когда в сентябре 1941 года, желая ускорить централизацию обработки данных радиоразведки, он взял на себя обработку пеленгов. Оперативному отделению 469-го дивизиона досталось лишь составление графиков выявленной радиосвязи.

Обработка данных в отрыве от дивизиона, от радистов, которые вели наблюдение, от текстов перехваченного радиообмена приводила к ошибкам в оценке обстановки и – как результат – себя не оправдала.

А вот организация работы, когда добывание и обработка сведений распределялись в соответствии с диапазонами волн, оказалась более верной и продуктивной. И произошло это в первую очередь потому, что такая форма совпадала с принятым в немецких войсках принципом распределения волн в зависимости от командных инстанций.

Были сделаны выводы и из ошибок в тактике действий радиоразведывательных частей, когда в начальный период войны дивизионы особого назначения западных округов попали под огневые удары фашистов, понесли большие потери в личном составе и технике и частично утратили боеспособность.

Теперь следовало найти такой тактический вариант, который обеспечивал бы наиболее эффективное выполнение радиоразведывательных задач в условиях отхода наших войск.

Когда возникала необходимость в смене позиций, применяли два варианта перемещения сил и средств. В первом случае удаление было на 120–150 километров, во втором – на 50–60 километров.

В обоих случаях были свои плюсы и минусы. Если применялся первый вариант – увеличивалось время непрерывного ведения радиоразведки и уменьшалась опасность вывода из строя частей.

При втором варианте обеспечивалось ведение радиоразведки на большую глубину, однако увеличивалось время на перемещение подразделения и возрастала опасность его огневого поражения или захвата войсками противника.

В конечном итоге, предпочтение было отдано первому варианту, то есть «тактике большого отрыва».

Сохранился документ, в котором подводились итоги деятельности радиоразведки за пять месяцев войны.

«Перемещения производить, – указывалось в документе, – по возможности реже и на большие расстояния, так как частые переброски за несколько десятков километров эффекта для радиоразведки не дают».

В первые месяцы войны была проведена большая мобилизационная работа по восстановлению частей, понесших потери в ходе боевых действий, а также развертыванию частей по планам военного времени.

Однако западные округа – Прибалтийский, Киевский, Одесский – не смогли выполнить мобилизационные планы в полном объеме. Основная тяжесть развертывания радиоразведки военного времени легла на Ленинградский и Закавказский военные округа. Там было сформировано в общей сложности шесть дивизионов. По одному дивизиону удалось развернуть Киевскому и Одесскому военным округам.

Уже к июлю 1941 года в результате мобилизационно-восстановительных мероприятий на западных фронтах работало 17 радиодивизионов и 4 отдельные радиостанции ОСНАЗ. Дивизионы формировались в основном по армейским штатам, однако обстановка сложилась так, что действовать в дальнейшем они стали как фронтовые. При необходимости для обеспечения разведки в армейских операциях они придавались армиям, но сохраняли фронтовое подчинение.

Таким образом была создана фронтовая радиоразведка.

После столь масштабных мероприятий на Западном ТВД разворачивались резервы в Среднеазиатском военном округе и усиливались части на Дальнем Востоке.

За полгода с сентября 1941-го по март 1942 года кадровые разведывательные части Дальневосточного фронта и Забайкальского военного округа были переведены на штаты военного времени, 5 дивизионов – развернуты. Всего на Дальнем Востоке находилось 11 отдельных радиодивизионов.

В Среднеазиатском военном округе был отмобилизован 396-й дивизион и переведен на штат военного времени 490-й дивизион.

В октябре 1941 года 490-й дивизион был передислоцирован под Москву и принимал участие в обороне столицы. Об этом мы поведаем вам в следующей главе.

«Мы не дрогнем в бою, за столицу свою»

Младший сержант Юрий Мажоров выключил радиостанцию. Слипались глаза после бессонной ночи, затекла спина. Он встал из-за стола. В это время, откинув полог плащ-палатки, который заменял дверь, в их помещение вошел посыльный из штаба дивизиона.

– Мажоров, тебя к командиру!

Натянув поглубже на уши шапку, запахнув шинель, младший сержант вышел на улицу. Морозный воздух перехватил дыхание. Прошло три месяца, как их 490-й отдельный радиоразведывательный дивизион был переброшен из Среднеазиатского военного округа под Москву, а он никак не мог привыкнуть к этим холодам.

Да и как тут привыкнешь, если зимние холода 1941–1942 годов и вправду были лютыми. Мороз держался долго, температура опускалась ниже 40 градусов. Там, в Ташкенте, где прошло его детство и юность, он и представить не мог, что существуют на свете такие холода, такие суровые зимы.

Мажоров шел, бежал к штабу, закрывая рукавицами мерзнувшее лицо, а в голове скакала тревожная мысль: зачем он понадобился командиру дивизиона? Служил вроде исправно, дисциплинированно, но какое-то недоброе предчувствие тяготило сердце.

Ну вот наконец и штаб. Он располагался в одном из зданий бывшего узла связи Красной армии. Когда в середине декабря дивизион был передислоцирован сюда, в поселок Ленино-Дачное, здесь стояли только коробки домов без крыш, окон и дверей. Теперь дивизион худо-бедно обжил это пространство.

Мажоров отыскал кабинет командира дивизиона, доложил о прибытии. В кабинете, кроме командира майора Логинова, были начальник штаба капитан Иванин и начальник оперативного отдела капитан Крылов.

Первым заговорил командир.

– Наши войска отбросили немцев от Москвы, где на 150 километров, а где и на 250.

Юрий хоть и был младшим сержантом, но обстановку на фронте знал не хуже командира дивизиона. Знал, что Красная армия освободила города Калинин, Калугу, оставили фашисты и Тулу.

– Однако налеты на Москву продолжают, – майор Логинов склонился над картой, развернутой у него на столе, – и теперь они все чаще проходят ночью. Я правильно говорю, товарищ младший сержант?

– Так точно, товарищ майор! – ответил Мажоров и тут же понял, к чему клонит командир. У него засосало под ложечкой. Он ведь докладывал тому же майору Логинову, что их радиостанция (РСБ), предназначенная для самолетов-бомбардировщиков, а с началом войны приспособленная для работы на земле, никуда не годится. Нет, нельзя сказать, что ее вовсе нельзя использовать. В Средней Азии они работали на РСБ на расстоянии в тысячи километров. Но это было в Ташкенте, где всегда много солнца, света, тепла. А отражение радиоволн от ионосферы Земли сильно зависит от солнечной активности, когда ионосфера насыщена электронами.

Но Москва не Ташкент, тем более зимой, да еще ночью. Мажоров понял это еще в октябре, когда они развернулись в районе Коврова. Тогда на фланги выслали две группы с радиопеленгаторами километров на сто в разные стороны. Один из радиопунктов оказался под городом Муромом.

Юрий на своей радиостанции ждал сигнала из Мурома двое суток. Не дождался. Стало ясно, что прямая связь на нашей радиостанции возможна только на небольшие расстояния, так как волна быстро затухает, ее поглощают объекты, расположенные на пути распространения.

Увы, эти обстоятельства до войны почему-то никто не учитывал, и никаких пособий, инструкций по работе на коротких волнах в дивизионе не было.

Обо всем произошедшем Мажоров тогда же доложил командиру. Ответ начальства не блистал оригинальностью: «Нет связи? Устанавливай!» Но как это сделать радисту-сержанту?

Отсутствие ночной связи штаба дивизиона с пеленгаторными пунктами, видимо, мало беспокоило командование. Немцы делали налеты в основном в светлое время суток, а днем связь была. И вот фашистские летчики изменили тактику. Теперь они стараются прорваться к Москве по ночам. А в это время дивизион глух и нем: штаб не слышит пеленгаторщиков, пеленгаторщики – штаб. Выходит, радиодивизион, по сути, небоеспособен.

У Мажорова похолодело внутри. Он сам испугался этой мысли. Майор внимательно смотрел на младшего сержанта. Командир не стал говорить о небоеспособности дивизиона. Такие слова, произнесенные вслух, могли стоить ему жизни. И он это понимал.

– Значит, немцы все больше летают по ночам. А у нас ночью с пеленгаторными пунктами связи нет. Так, Мажоров? – спросил Логинов.

– Так... – кивнул совсем не по уставному младший сержант.

В кабинете установилась тишина.

– Разрешите, товарищ майор, – сказал Мажоров сдавленным, сухим голосом и, не ожидая разрешения, стал говорить.

– Я уже докладывал, что без переделки нашей радиостанции ночью связь обеспечить нельзя. Волны не проходят.

И тут заговорил начальник штаба, стоявший у окна и доселе молчавший.

– Волны, говоришь, не проходят, сержант? – Он раскинул руки и хлопнул себя по бокам. – А голова тебе на что дана и руки? И волны, я тебе скажу, ни при чем. – Начштаба подошел почти вплотную к Мажорову. – Если не будет связи ночью, я тебя расстреляю.

В кабинете вновь повисла тишина.

Мажоров понимал, что подвести подчиненного под расстрел в ту пору не составляло труда. Более того, такие случаи были, и он о них прекрасно знал. Понимал Юрий и другое, что молчать нельзя, надо защищаться.

Подавляя внутреннюю дрожь и собравшись с силами, младший сержант сказал:

– Знаю, что расстрелять меня во фронтовой обстановке не составляет труда, но связь от этого все равно не появится...

И Мажоров вновь повторил все, что знал о распространении волн, их отражении от ионосферы, зависимости от солнечной активности.

Когда он закончил, начальник оперативного отдела капитан Крылов поинтересовался:

– Так что можно сделать в этих условиях? Ты же сам понимаешь, Мажоров, мы должны найти выход.

– Он есть, – ответил младший сержант, – надо переделать нашу РСБ.

– Что тебе для этого надо?

– Нужны воздушные конденсаторы переменной емкости. Их можно демонтировать из некоторых приемников. Например, из приемника БУ-234 или Си-235.

– Хорошо, – в конце концов закончил командир. – Иди, работай.

Мажоров развернулся и вышел из кабинета. Его вроде и отпустили, а на душе кошки скребли.

...Недели через полторы Мажорова вновь вызвал командир дивизиона и вручил бумагу. В ней говорилось, что для выполнения спецзадания младшему сержанту Мажорову Ю.Н. разрешается работа в спецхранилище и демонтаж деталей из радиоприемников.

Юрию выделили автомашину, дали в помощь старшину Казанцева, и они выехали в деревню Черемушки, где и находилось то самое спецхранилище, в котором складировались отобранные у населения в начале войны радиоприемники.

Мажоров ехал и не знал, радоваться ему или печалиться. С одной стороны, его наконец услышали, дали разрешение, словом, все то, что он просил, с другой... Если он ошибается в своих расчетах и у него не получится модернизировать эту радиостанцию? Ведь он не инженер и даже не техник, его забрали на фронт с последнего курса техникума связи. У него и диплома нет.

Только он понимал, кому сегодня нужен его диплом? Нужна связь. Если ее не будет, расстрелять, возможно, и не расстреляют, но штрафбат обеспечен. Да, заманчивая перспектива.

Потом, с годами, уже после войны, он будет анализировать эту во многом парадоксальную, и в то же время весьма не простую ситуацию, которая могла закончиться для него трагедией.

Он был всего лишь младшим сержантом, и в его обязанности не входила реконструкция передающей аппаратуры. Такой аппаратуры, которая создавалась конструкторами и производителями. И тем не менее за отсутствие связи на ней спрашивали ни зампотеха дивизиона, ни старшего техника, а его. Даже грозились расстрелять.

Ответ тут только один. И командир дивизиона, и даже скорый на расправу начштаба понимали, что именно Мажоров сможет решить эту сложную техническую задачу и вытянуть РСБ на нужный уровень.

Так, собственно, и случилось.

Вот как об этом вспоминает сам Юрий Мажоров, ставший после войны ученым, генерал-майором, лауреатом Ленинской и двух Государственных премий.

«Хранилище располагалась в здании, где до войны был институт. Оно размещалось на втором этаже. Какой-то сотрудник повел меня туда. Снял печати, открыл дверь и включил свет.

Передо мной оказались сотни приемников самых различных марок. Они стояли в шкафах, на столах, штабелями на полу.

В довоенные годы наиболее распространенными были приемники СИ-235, ЭЧС-2, ЦРЛ-10. Перед войной Минский радиозавод выпустил приемник «Пионер» и приемник более высокого класса «Маршал».

Я с собой прихватил плоскогубцы, кусачки и отвертку. Отобрал восемь приемников 6Н-1 и начал свою разрушительную работу.

Был уже вечер, а дело шло не быстро. Наблюдавший за мной соглядатай утомился и решил пойти попить чаю и отдохнуть.

Когда я закончил, мне дали подписать акт, в котором излагалось, что изъято из приемников, – а все они имели внутри копии квитанций об изъятии приемника на хранение на весь период войны.

В часть мы вернулись поздно. На другое утро я приступил к практической реализации замысла по переделке РСБ.

...Уже на следующий день с пеленгаторных пунктов сообщили об отличной слышимости на протяжении всей ночи».

Так работали радиоразведчики 490-го отдельного радиодивизиона Главного командования.

Однако в битве под Москвой разведку немецко-фашистских войск вели также воины 474-го и 480-го дивизионов, 151-й отдельной радиостанции ОСНАЗ Западного фронта, 347-й дивизион Брянского фронта.

В январе 1942 года к ним присоединился 339-й дивизион Калининского фронта.

Радиоразведчики старались добывать информацию о противнике, его группировках войск и направлении главных ударов.

В сентябре 1941 года на основании донесений радиоразведки командованию был сделан доклад о развертывании трех группировок немецко-фашистских войск, готовых к наступлению на Москву.

Части и подразделения одной из группировок располагались в районе Бобруйска, Мглина, Унечи, танковые войска – в районе Шостки.

Во вторую группировку входила 9-я армия, со штабом в г. Велиже, что в Смоленской области, и 3-я танковая группа, сосредоточенная в районе Духовщины и Андреаполя.

В районе Смоленска, Рославля, Починка, Монастырщины были вскрыты войска третьей группировки.

Начальник разведки Западного фронта генерал Т. Корнеев потом напишет в своих мемуарах: «23 сентября 1941 года разведка фронта точно установила, что противник готовится к наступлению и создал для этого крупную группировку войск перед Западным и Резервным фронтами.

На основании этих данных командование Западного фронта 25 сентября 1941 года отправило в Ставку первое донесение, а 26 сентября – второе донесение с указанием конкретных районов сосредоточения врага... Главную роль в обнаружении наступательных группировок выполнила радиоразведка Западного фронта...

К этому времени значительно лучше стали работать авиационная и другие виды разведки, но первенство во вскрытии оперативных и тактических резервов противника принадлежало радиоразведке».

Важно, что радиоразведке удалось установить и первые признаки непосредственной подготовки немецко-фашистских войск к наступлению.

28 сентября была вскрыта дислокация гитлеровских аэродромов в Духовщине, Смоленске, Климовичах, Унече.

В последний день сентября «слухачи» Западного фронта зафиксировали возрастающую активность разведывательной и бомбардировочной авиации противника.

1 октября удалось установить наращивание сил ВВС Германии на аэродромах Могилева, Смоленска и Жлобина.

...Наступление немецко-фашистских войск по плану «Тайфун» началось 30 сентября на Брянском и 2 октября на Вяземском направлениях. В тот же день 2 октября радиоразведчикам удалось установить, что группировка, действующая из района Шостки, наступает в направлении Орла, а подвижные части гитлеровцев уже достигли железнодорожной линии Навля – Льгов.

Через два дня удалось вскрыть направления наступления частей рославльской группировки. Немцы шли на Юхнов и Медынь.

Оставалось установить направления главных ударов 9-й армии и 3-й танковой группы. 5 сентября радиоразведка доложила: войска движутся в сторону Гжатска и Ржева.

В ходе этой работы разведчики отслеживали также рубежи, достигнутые фашистскими войсками.

Следует отметить и еще одну важную особенность. Как сказал мне однажды генерал-майор Юрий Мажоров, «немцы с видимым пренебрежением относились к нашей радиоразведке. Сплошь и рядом первый и второй год войны шли передачи их разговоров прямым текстом, без зашифровки. И только в 1943 году они ввели жесткое ограничение на работу с открытым текстом».

Что ж, такое «пренебрежение» было нам на руку. Уже в октябре 1941 года части ОСНАЗ Западного фронта начали вести регулярный радиоперехват открытых переговоров пехотных и танковых частей 3-й и 4-й танковых групп, 4-й и 9-й полевых армий «Центр», участвовавших в операции «Тайфун».

В последующем все фронтовые части радиоразведки добывали ценные разведсведения, полученные именно таким путем.

Активное освоение сетей радиосвязи противника позволило выработать стройную систему перехвата открытых переговоров в тактическом звене гитлеровских войск.

Поистине неоценимый вклад в дело изучения организации и тактики радиосвязи фашистской армии внесли документы, добытые нашими солдатами и офицерами на фронтах и представляющие огромную оперативно-стратегическую ценность. Речь идет о трофейных материалах по радиосвязи, которые определяли порядок назначения и смены позывных, частот и указывали их принадлежность к определенным воинским частям.

В достаточно толстом книжном томе, который представляла собой таблица «Д», были сведены воедино тысячи позывных, расположенных по строкам и вертикальным колонкам. Строки выделялись штабам дивизий, корпусов, армий, групп армий, Ставке Главного командования.

Свои отличия имели позывные танковых войск. Вертикальная колонка отводилась на каждый день месяца.

Вскоре серьезное изучение этого документа дало свой результат – удалось «привязать» позывные радиостанций к штабам дивизий, корпусов, армий.

10 октября радиоразведчики вскрыли дислокацию штаба 2-й армии, на следующий день – штаба 4-й армии.

А вскоре радисты дивизионов ОСНАЗ пошли еще дальше. 14 октября в составе 4-й немецкой армии было обнаружено соединение, которое прежде действовало против войск Ленинградского фронта и входило в состав 18-й армии вермахта. Стало понятно, что фашисты перебросили под Москву дивизию, сняв ее с Ленинградского направления.

23 октября подобное повторилось на калининском направлении. Радиоразведкой была обнаружена часть из состава 41-го механизированного корпуса. Ее также передислоцировали из-под Ленинграда.

На следующий день удалось опознать 40-й механизированный корпус, который действовал в районе Можайска.

С 24 октября отчеты радиоразведчиков изменились: появились первые признаки того, что противник выдыхается, истощаются его силы и он начинает переброску резервов.

На калининском направлении вышли в эфир радиостанции, принадлежащие резервной группировке войск, ранее дислоцированной в Смоленске.

25 октября «слухачи» частей ОСНАЗ засекли радиосеть 19-й танковой дивизии. Ее перебросили с оставшковского направления под Малоярославец. Начиналась большая перегруппировка войск. Шла замена свежими частями 4-й танковой группы. Далее войска этой группы следовали с малоярославецкого направления на Можайское.

27 октября удалось вскрыть переброску частей противника через Фатеж на Орел и дальше к фронту.

Интересен тот факт, что радиоразведке Красной армии в этот сложный период удавалось не только раскрывать направления переброски сил и средств, их концентрацию, но и состояние войск. В частности, удалось узнать, что немецкие войска, наступающие на калужском и тульском направлениях в условиях распутицы и бездорожья, при недостатке автотранспорта вынуждены переходить на конную тягу. А это означало, что их поступательное движение нарушено.

Во многих танковых частях потери оказались настолько большими, что пришлось среди армейских шоферов искать бывших танкистов и пересаживать их на боевые машины.

29 октября радиоразведка доложила командованию фронта информацию о сосредоточении нескольких отрядов бомбардировочной авиации на аэродромах близ Ярцева и Вязьмы. Это говорило о том, что наступление противника на Западном фронте замедлилось из-за потерь в личном составе и технике. Противник подтягивает резервы. Также следует ожидать активизации действий дальней бомбардировочной авиации.

...1 ноября командующий фронтом Георгий Жуков должен был ответить на вопрос Иосифа Сталина о том, позволит ли обстановка провести торжественное собрание и парад на Красной площади в честь годовщины Великой Октябрьской социалистической революции.

В основу ответа, разумеется, были положены различные разведданные, но надо отметить, что свой вклад внесла и радиоразведка. Во всяком случае, выводы Жукова однозначно близки к тем, которые сообщала радиоразведка.

«В ближайшие дни, – писал в своем ответе Георгий Константинович, – противник не в состоянии начать большое наступление. Он понес в предыдущих сражениях значительные потери и сейчас занят пополнением и перегруппировкой войск. Что же касается его авиации, то она может и наверняка будет действовать».

В ноябре 1941 года фашисты готовили новое наступление на Москву. Естественно, они проводили перегруппировку своих сил.

Перед радиоразведкой была поставлена задача: вскрыть вражескую группировку и разгадать замыслы фашистов.

Что удалось сделать? С полным основанием можно сказать: сделано было немало. Радиоразведка выявила ударные группировки 2-й танковой армии под Тулой, 4-й армии южнее Наро-Фоминска, 40-го и 46-го мехкорпусов, объединенных в 4-ю танковую группу в районе Гжатска, 3-ю танковую группу северо-западнее Волоколамска, 9-ю армию и 41-й механизированный корпус западнее Калинина.

Что же касается авиации, то активизация авиационной разведки была замечена уже 5 ноября, а на следующий день вскрыто ее сосредоточение на аэродромах Вязьмы, Ярцева, Сычевки, Ржева.

Кстати говоря, о борьбе нашей радиоразведки с ВВС Германии следует сказать особо. Дело в том, что в предвоенные годы для военного руководства страны была характерна недооценка роли радиолокации в обеспечении обороны страны. Уже в 1939 году появились сообщения о том, что восточное побережье Великобритании было оборудовано радиосистемами, которые предупреждали о налетах фашистских самолетов, когда те находились за сотни километров.

Иное дело у нас. Еще в 1937 году трое ученых – Юрий Кобзарев, Николай Чернецов и Павел Погорелко – создали первый в стране импульсный радиолокатор. Чтобы убедить военных в необходимости и ценности такого изобретения, пробивались на прием к маршалу Кулику. Он их принял. Ученые доложили, что им удалось создать локатор, который ночью, в туман, в любую погоду на расстоянии 100 км может обнаруживать самолет, сопровождать его и давать точные координаты.

Выслушав их, Кулик спросил:

– Что же вы хотите?

– Хотелось бы создать опытный образец, который потом можно запустить в производство, – ответили ученые.

– И для этого нужно? – уточнил маршал.

– Для этого надо две автомашины с фургонами и одна передвижная электростанция.

Ученые видели, как напрягся Кулик.

– У...у... две машины, электростанция, – разочарованно произнес маршал. И вдруг его лицо озарила догадка. – Эх вы, ученые, – рассмеялся Кулик, – какой локатор? Ночью-то самолеты не летают.

Ученые были в шоке от широты познаний заместителя наркома обороны. И только перед самой войной, когда Кобзареву, Чернецову и Погорелко за их изобретение была присуждена Сталинская премия, маршал Кулик зашевелился, согласился запустить в производство локатор. Но было уже поздно, грянула война.

Таким образом, осенью – зимой 1941 года система обороны Москвы от налетов вражеской авиации состояла из трех элементов: зенитной артиллерии, самолетов-истребителей и аэростатов.

Для предупреждения о приближении немецких бомбардировщиков была развернута служба ПВО – называлась она в ту пору ВНОС, что означало «воздушное наблюдение, оповещение, связь». Чтобы обнаружить самолеты, применялись звукоулавливатели, ночью к ним присоединялись прожекторы.

Аэростаты на тросах заставляли гитлеровские самолеты подниматься выше, таким образом, снижалась точность бомбометания. А вот дальность звукоулавливателей, как правило, не превышала 10–12 километров, и толку от них было мало, особенно когда враг подошел к самой Москве.

Для раннего оповещения о налетах посты ВНОС надо было иметь на территории, не занятой противником, иначе эта служба не имела возможности своевременно предупредить о приближающихся самолетах.

Понятно, что проблема раннего предупреждения в 1941 году стала крайне важной и болезненной. Справиться с этой задачей, к счастью, удалось радиоразведке.

Как правило, на бомбежку Москвы фашистские самолеты поднимались с разных аэродромов. Чаще всего это были аэродромы Минска, Барановичей, Орши, Могилева.

Стартовав и набрав высоту, бомбардировщики выстраивались в боевой порядок. Ведущий выходил в эфир, проверял связь, вызывая ведомых.

Каждое звено отвечало ведущему, а в это время наши части ОСНАЗ перехватывали их переговоры и определяли примерный состав группы, а также пеленг самолетов.

Через 20–30 минут процедура радиосвязи повторялась. Радиоразведчики принимали и эту порцию сигналов. В результате работы становилось понятно, откуда стартовали фашисты, куда летят и, наконец, сколько их.

Подобные весьма ценные данные попадали в руки наших радиоразведчиков как минимум за час до подлета немецких бомбардировщиков к Москве. Разумеется, сразу шло оповещение штаба ПВО столицы.

Были, правда, и здесь свои трудности. Так, на первых порах достаточно просто обнаружив радиообмен между бомбардировщиками, разведчики ОСНАЗ не могли понять, почему они не слышали переговоров между истребителями. Ведь именно истребители, имея превосходство в воздухе, просто пиратствовали на дорогах. Они не только атаковали колонны, но гонялись за отдельными автомобилями, повозками и даже людьми.

«В ноябре, как-то будучи в Москве для сопровождения документов, – рассказал мне генерал-майор Юрий Мажоров, – я случайно оказался на площади где-то в районе Большого театра. Там были выставлены для обозрения сбитые немецкие самолеты.

К самым остаткам самолетов не подпускали, но я обратил внимание, что на бомбардировщиках от стабилизатора к носу легко протянуть трос-антенну. Мне даже показалось, что там есть точки крепления. Но ничего такого я не увидел на “мессершмитте”. Зато на нем был виден какой-то изогнутый, словно рог, кусок металла. У меня возникла мысль, что на истребителе нет коротковолновых станций, поэтому мы и не слышим их в эфире.

Но связь же должна у них быть! В то время не с кем даже было посоветоваться, хотя еще до войны я знал, что существуют ультракороткие волны и с ними ведутся работы. Это я узнал из журнала “Радиофронт”, но эти сведения публиковались под рубрикой “За рубежом”.

О работах в нашей стране ничего не сообщалось, радиовещания на УКВ не было, не слышали мы ничего и об ультракоротковолновых приемниках.

Потом, в конце 1941-го и в начале 1942 года я сам снял с “мессершмитта” рацию. Она работала именно в диапазоне УКВ. Вот почему мы не слышали и не принимали сигналов с

истребителей! Не было у нас на вооружении ни приемников разведки, ни радиопеленгаторов УКВ.

Кстати, а тот приемник с “мессершмитта” очень нам пригодился. Мы научились использовать его против немцев, и весьма эффективно. Фашисты, к счастью, до конца войны верили, что у нас нет средств УКВ, и переговоры вели на ультракоротких волнах открытым текстом».

Однако вернемся к подготовке второго наступления немцев на Москву. 13 ноября радиоразведчики наших частей ОСНАЗ перехватили поистине историческую радиограмму. Штаб танковой дивизии, расквартированной в Ясной Поляне, сообщал, что их соединение выступит утром 14 ноября. На основании радиоперехвата военный совет Западного фронта предупредил войска о готовящемся ударе немцев в этот день.

Таким образом, наступление фашистских войск на Клинском, Волоколамском и Можайском направлениях возобновилось 16 ноября.

И вновь радиоразведчики отслеживали главные, ударные направления атак противника.

26 ноября части ОСНАЗ доложили о намерении фашистов обойти Истру с юга, 3 декабря – о задаче, поставленной 2-й танковой дивизии, достичь Алабушева, что в 20 километрах от Солнечногорска, 6 декабря о планах немцев выйти на рубеж канала Москва – Волга.

В эти дни фашистское командование лихорадочно бросало в бой свои последние резервы. Обстановка на фронте сложилась крайне напряженной. Радиоразведка по 3–4 раза в сутки докладывала в штаб данные о появлении новых частей на Дмитровском, Солнечногорском, Яхромском, Истринском направлениях. Стало известно, что части, наступающие с севера, уже были снабжены крупномасштабными картами Москвы.

Однако вскоре стали приходить первые сообщения о том, что наступление немцев выдыхается – войска понесли большие потери в живой силе и технике, не хватает оружия и боеприпасов, иссякают резервы горючего.

С 6 декабря, с началом контрнаступления советских войск под Москвой, радиоразведка ОСНАЗ стала докладывать о направлениях отхода фашистов, рубежах обороны и очагах сопротивления, о резервах.

Можно сказать, что в целом суровый, боевой экзамен в битве под Москвой радиоразведка выдержала, она накопила боевой опыт, извлекла уроки из ошибок первых месяцев войны.

В документе ГРУ, подводившем итоги пяти месяцев войны, указывалось, что сводки радиоразведки Западного фронта содержали высокую степень достоверности.

Ленинград принимает бой

...Март уже перевалил за середину, а тепла как не было, так и нет. По утрам еще крепко подмораживало, а днем порою шел мокрый пополам с дождем снег. А хотелось весны, солнца. Но какое солнце под Ленинградом! Хорошо, если его лучи пробьются к земле в апреле.

И все-таки весна неизбежна, как говорит их командир. Старшина Дмитрий Ашурков представил себе весенний город, синюю искрящуюся под солнцем Неву, набережную Мойки... Но пока в Питере холодно и... Не хотелось даже про себя произносить это слово, но оно уже стучало в висках: голодно, голодно. Сразу захотелось есть. Впрочем, есть хотелось всегда. Их 472-й радиодивизион Ленинградского фронта снабжался продовольствием по второй норме. На уровне частей обслуживания. Это значит, зимой вместо 900 грамм хлеба по фронтовой, первой пайке, им давали всего 400 грамм. А ребята все молодые, дай им еды вдоволь – за троих съедят.

«Ну, вот опять о еде», – разочарованно подумал Ашурков, стараясь отогнать навязчивые «хлебные» мысли. Он стал внимательнее вслушиваться в эфир. Однако эфир был наполнен посторонними звуками. Немцы же, столь необходимые старшине Ашуркову, безмолвствовали.

И вдруг какой-то скрипучий, совершенно незнакомый голос произнес в эфир фразу. Неторопливо, достаточно четко летчик сказал в общем-то несколько простых слов:

– Иду на посадку через одну минуту...

Старшина бросил взгляд на часы: 14.07. Итак, 19 марта 1943 года в 14 часов 07 минут немецкий самолет зашел на посадку. А поскольку в радиосвязь с аэродромом вступал только флагманский пилот, с большой вероятностью можно было сделать вывод: приземлилась немецкая авиационная группа.

По данным пеленгации выяснилось, что вражеские самолеты сели на аэродром Котлы, который, кстати, они не использовали с конца ноября 1942 года. Эту фразу немецкого летчика засекли и «слухачи» 623-го радиодивизиона.

Через сорок минут на аэродроме Котлы совершила посадку и вторая авиационная группа немцев. Их «сигнал» также был принят нашими радиоразведчиками.

В разведотдел фронта и на командный пункт 13-й воздушной армии срочно направлено донесение о возможном прибытии на аэродром Котлы до двух авиационных групп противника.

Наш самолет-разведчик, вылетевший на задание, подтвердил данные радиоразведки. В Котлах насчитывалось до 20 фашистских бомбардировщиков, а также, что очень важно, отсутствовала противовоздушная оборона аэродрома.

Последовал бомбовый удар по скоплению немецких «Юнкерсов-88». В знак признательности летчики 13-й воздушной армии прислали радиоразведчикам фотоснимки с горящими немецкими самолетами. Подписи на снимках говорили сами за себя: «Друзьям-радиоразведчикам от воздушных разведчиков разведотдела 13-й ВА Ленфронта».

Таков один из боевых эпизодов деятельности нашей радиоразведки на Ленинградском фронте. Ее здесь вели 472-й и 623-й дивизионы, а также 41-я отдельная радиостанция ОСНАЗ.

Надо сразу отметить: радиоразведчики работали в очень трудных условиях. В начальный период сложность состояла в том, что существовала большая удаленность средств радиоразведки от источников. После блокады, наоборот, стабильность фронта позволила фашистам свести к минимуму применение радиосвязи в войсках. Они пользовались проводной связью.

Уже в июле – августе 1941 года на подступах к Ленинграду развернулись тяжелые, кровопролитные бои. Однако несмотря на сопротивление наших войск, фашисты заняли большую часть Ленинградской области.

8 сентября был захвачен Шлиссельбург и перерезана последняя коммуникация, связывающая город с «Большой землей». Ленинград оказался в блокаде. Началась его героическая 900-дневная оборона.

Тяжелые условия блокады заставляли радиоразведчиков искать новые источники получения информации, повышать эффективность разведки.

Ведущее место в этой работе занимала старейшая радиочасть Красной армии, бывший 1-й дивизион ОСНАЗ, теперь ставший 472-м. Руководил им опытный радиоразведчик, участник испанских событий Л. Сазыкин.

Дивизион комплектовался грамотными, знающими командирами и солдатами, достаточно хорошо оснащался технически. Что важно – за плечами практически у каждого из военнотружущих был опыт ведения радиоразведки в период советско-финского конфликта. Поэтому с первых дней войны радиоразведчикам этого дивизиона не пришлось тратить время на боевое слаживание. Они сразу приступили к разведке вооруженных сил Германии и Финляндии.

Достаточно сказать, что уже в ночь на 24 июня 1941 года в разведотделе фронта была отработана карта аэродромов Финляндии и Северной Норвегии с указанием координат каждого из них, а также количеством базирующихся там немецких бомбардировщиков. В этот основополагающий документ вошли и данные радиоразведки.

25 июня вся эта армада фашистских бомбардировщиков должна была нанести мощный удар по Ленинграду. Точные разведданные позволили нашему командованию сорвать замыслы врага. Авиацией Северного фронта и Балтийского флота по аэродромам противника был нанесен упреждающий удар. На аэродромах под бомбами советских авиаторов нашли свой конец около 130 самолетов.

Так вступила в войну радиоразведка Ленинградского фронта.

11 июля, несмотря на достаточно большое удаление дивизиона от линии фронта, радиоразведчикам удалось вскрыть боевую деятельность танковых и механизированных дивизий 4-й танковой армии врага. Захватив Псков, фашисты устремились к Ленинграду, планируя с ходу ворваться в город. Однако их остановили под Лугой.

Тогда гитлеровцы решили скрытно, в обход Луги с запада, нанести удар по Кингисеппу, выйти на Копорское плато и через Красное село на Ленинград. Но и этот маневр обнаружили радиоразведчики 472-го радиодивизиона ОСНАЗ. Их данные подтвердила воздушная и войсковая разведка.

В конце августа «слухачами» Сазыкина была обнаружена переброска частей 39-го механизированного корпуса из-под Старой Руссы в район Чудова и Любани, а также сосредоточение авиации гитлеровцев на аэродромах Пскова, Дно, Порхова.

После прорыва через реку Мгу и взятия Шлиссельбурга сообщение с городом поддерживалось только по воздуху и по Ладожскому озеру. Фашисты не оставляли попыток взять Ленинград штурмом, но это им не удалось. И тогда гитлеровское руководство принимает решение о блокаде: удушении ленинградцев голодом, систематическими артиллерийскими обстрелами и авиационной бомбардировкой.

В этих условиях изменились задачи радиоразведки. На первый план выдвигалась задача добывания разведданных об авиации и артиллерии противника.

...6 сентября 1941 года первые фашистские бомбардировщики бомбили Ленинград. Сложилась крайне неблагоприятная обстановка для борьбы с немецкой авиацией.

Командующий фронтом определил следующие задачи разведки. Об этом рассказывает начальник разведотдела штаба Ленинградского фронта генерал П. Евстигнеев: «Противник перешел к одновременному штурму наших позиций под Ленинградом и огневому штурму города артиллерией и авиацией. Необходимо составить карту расположения артиллерии про-

тивника, вести ее ежедневно и давать начальникам артиллерии фронта, армий и командующему ВВС для постановки задач на уничтожение вражеских батарей и пунктов управления.

Противовоздушная оборона лишилась возможности своевременного предупреждения истребительной авиации, зенитной артиллерии и населения Ленинграда о приближении самолетов противника. Посты ВНОС оказались в пределах города. Фашистским самолетам требуется всего лишь несколько минут, чтобы долететь от линии фронта до жилых домов Ленинграда.

Сейчас мы основываемся на данных, получаемых от радиолокационных станций. Но их всего семь, радиус действия составляет до ста километров, а нам нужно знать о подлете вражеской авиации к городу как можно раньше. Поэтому следует подключиться к этому и разведчикам. До того, как самолеты противника будут обнаружены средствами радиолокации, нам уже надо предупредить систему ПВО о взлете их с аэродромов и взятом курсе. Это позволит организовать прикрытие города с воздуха».

Что ж, задачи, поставленные командующим, были достаточно понятны: следовало постоянно наблюдать за аэродромами, засекать время старта самолетов, устанавливать их курс и следить за ними в период движения, чтобы наши истребители могли встретить фашистов на подлете к Ленинграду.

Однако провести целый комплекс подобных мероприятий было не так просто. Радиоразведчики начали с тщательного изучения особенностей радиосвязи в немецкой авиации, установили сигналы скрытого управления при боевых вылетах, выявили признаки, указывающие на подготовку авиации к взлету и подъем в воздух, организовали обнаружение бортовых радиостанций бомбардировщиков в средневолновом и коротковолновом диапазонах.

По характеру связи флагманского самолета стали определять количество машин и их тип.

Благодаря этим оперативно-техническим мероприятиям радиоразведчики научились засекать немецкие самолеты на удалении от 150–190 км от города. Предупреждение о подлете вражеской авиации на главный пост ВНОС ПВО передавался за 25–30 минут. Таким образом, наша авиация имела возможность встречать машины врага еще над боевыми порядками фашистов.

Гитлеровцы, в свою очередь, предпринимали контрмеры: сокращали время связи самолета с наземными органами управления. Это заставляло радиоразведчиков изыскивать новые тактические приемы ведения разведки. Были созданы специальные группы поиска и наведения в приемных центрах дивизионов, на радиопеленгаторных пунктах. Для пеленгования самолетов выделялись лучшие радисты.

Однако мастеров высокой квалификации было недостаточно, и тогда в дивизионах ввели следующий порядок: при выявлении первых признаков старта вражеских самолетов на пеленгаторные пункты поступал сигнал тревоги, и лучшие радисты занимали места у аппаратов. Кстати говоря, этот опыт ленинградских радиоразведчиков потом распространили и на других фронтах.

В августе 1941 года талантливый инженер старший лейтенант Клавдий Дроздов с помощью трофейного ультракоротковолнового приемника обнаружил радиосвязь немецких самолетов. Данные, которые удалось добыть Дроздову, оказались настолько важны и ценны для определения действий вражеской авиации и дальнобойной артиллерии, что новому источнику разведки было уделено самое пристальное внимание.

Срочно сформировали специальное подразделение под руководством того же Дроздова, которое занималось разведкой авиации в УКВ диапазоне.

Бывший заместитель командира 623-го радиодивизиона по технической части старший лейтенант Петр Шмырев, после войны ставший генерал-лейтенантом, так рассказывал мне о создании группы Дроздова и их боевой работе:

«Немецкие самолеты работали в УКВ диапазоне. Мы не умели делать станции УКВ. У нас были примитивные ротные станции, и дальше мы не поднимались. Немцы в этом отношении продвинулись гораздо дальше нас.

Так вот создали группу Дроздова. Сначала они работали с площадки Исаакиевского собора, потом расположились на юге Ленинграда, в районе Волкова кладбища. Дом пустой. На верхнем этаже разместили всю группу. У него в подчинении были хорошие переводчики немецкого языка. Например, Ольга Климова, уникальный специалист, полиглот. Знала даже японский язык.

Кроме переводчиков в группу входили опытные инженеры, техники. Сам Дроздов был прекрасным инженером, до войны работал в Ленинградском институте радиоприема и акустики, занимался мощными радиопередатчиками.

Как-то в одно прекрасное утро приезжает к нам в дивизион полковник Миронов и говорит мне: “Собирайся”. Спрашивать не принято, собрался. Сели в машину, приехали на Волково кладбище, поднялись по лестнице на верхний этаж дома.

– Вот, – сказал Миронов, обращаясь к Дроздову, – старший лейтенант Шмырев. Теперь он будет твоим начальником. Прошу любить и жаловать.

Так мы начали работать вместе. Если сказать коротко, с помощью этой группы стали заранее предупреждать нашу ПВО о налетах вражеской авиации.

А Клавдия Дроздова в дивизионе любили. О нем даже скороговорку такую сложили: “Дни и ночи с УКВ в ОРД наш КИД”. УКВ как расшифровать – понятно, ОРД – отдельный радиодивизион, а КИД – Клавдий Иванович Дроздов».

К словам генерала Петра Шмырева остается только добавить, что с весны 1942 года и до полного снятия блокады, которое состоялось 27 января 1944 года, не было случая, чтобы радиоразведчики Ленинградского фронта не отследили групповой вылет вражеских самолетов, которые рвались к городу или к коммуникациям фронта. Напомню, вахта эта длилась 900 дней и ночей.

Будучи командующим фронтом, Георгий Жуков в сентябре 1941 года отмечал работу радиоразведчиков по предупреждению вражеских налетов. Это он приказал начальнику разведки штаба фронта доложить в Москву об опыте разведки гитлеровской авиации. В докладе в Генштаб подчеркивалось важное значение разведки в УКВ диапазоне.

Особое значение придавалось радиоразведке гитлеровских самолетов, которые поднимались со своих аэродромов, чтобы нанести удар по «Дороге жизни». Зимой 1941–1942 года дивизионы предупредили ПВО о более 2 тысячах самолето-вылетов вражеской авиации.

С приходом весны активность фашистской бомбардировочной авиации заметно возросла. Немцы готовились к проведению операции «Ледовый удар», целью которой было уничтожение наших боевых кораблей на Неве и нанесение ударов по другим важнейшим объектам Ленинграда.

Первый массированный налет фашисты провели 4 апреля. В воздух поднялось около 150 бомбардировщиков. Однако ПВО была вовремя предупреждена. Операция «Ледовый удар» не принесла гитлеровцам ожидаемого результата. В тот апрельский день на подступах к городу и над Ленинградом они потеряли более 60 самолетов.

С открытием навигации на Ладожском озере задачи радиоразведки усложнились. Теперь командование фронтом требовало не только своевременно установить подъем авиации с аэродромов, но и выдавать направление их движения, угадывать намерения противника по поражению важнейших объектов на территории города.

Таковыми объектами стали порты, причалы, станции погрузки и разгрузки. Подсчитано, что за время навигации гитлеровские стервятники более 5 тысяч раз появлялись над Ладожским озером.

Постоянные налеты авиации, бомбежки – это лишь одна напасть, которая испытывала на прочность ленинградцев. Но была и другая, не менее страшная, разрушительная, гибельная – обстрелы города из дальнобойных орудий.

4 сентября 1941 года в 11 часов утра начался первый артиллерийский обстрел города. Он продолжался до 18 часов. В этот день появились первые убитые и раненые, первые разрушения.

Основную тяжесть борьбы с гитлеровскими артиллеристами вынесли на себе советские летчики и артиллеристы. На первом этапе контрбатарейная борьба велась в основном против полевой, в том числе и крупнокалиберной, артиллерии противника. Здесь при определении координат вражеских батарей ведущую роль играла артиллерийская разведка. В этой борьбе немцы стали нести большие потери и все чаще меняли позиции, перемещая их дальше в тыл.

К концу 1942 года фашистское командование изменило тактику – теперь ставка была сделана на использование дальнобойной артиллерии и тяжелых систем, которые располагались на железнодорожных платформах.

Огневые позиции этой артиллерийской группировки находились на удалении 20–25 километров от города. Таким образом, она оказалась вне зоны досягаемости артиллерийской разведки.

Определение координат вражеской группировки осложнялось и тем, что артиллерийские системы на железнодорожных платформах выдвигались на позиции не раньше, чем за сутки, после же обстрела быстро уходили. Для их воздушной разведки времени также не оставалось.

Теперь вся надежда была на радиоразведку.

Как выполнял эту задачу 472-й дивизион, вспоминает фронтовой радиоразведчик, начальник штаба радиодивизиона Глеб Лопак: «В 472-м радиодивизионе, которым к тому времени командовал А. Толмачев, были обнаружены две радиосети управления огнем дальнобойной артиллерии, работающие в коротковолновом и средневолновом диапазонах. В этих радиосетях передавались какие-то условные сокращения и кодовые величины, понять которые было невозможно. Офицеры Ю. Буштуев, И. Дьяков, переводчица лейтенант М. Дикман обстоятельно изучили наставления по управлению артиллерийским огнем и, сопоставив теорию с упоминавшимися выше кодированными величинами, смогли их расшифровать.

В течение 1943 года, который был годом наиболее интенсивных обстрелов Ленинграда, они много раз и своевременно, за несколько часов и даже суток определяли число и время, откуда и по какому району будет нанесен артиллерийский удар.

А удары наносились по жилым районам, военным и промышленным объектам города, в том числе однажды по району Смольного, по заводу “Большевик”, металлургическому заводу, по району Колпино, 5 ГЭС – основному источнику электроэнергии для Ленинграда, по мостам через Неву, по островам в Финском заливе и другим объектам».

...В середине октября 1943 года у начальника разведки фронта генерала П. Евстигнеева состоялось совещание командиров радиочастей ОСНАЗ, их заместителей по технической части и начальников штабов.

Руководство фронтовой разведки было не на шутку встревожено: фашисты начали значительное передвижение железнодорожных эшелонов к фронту и в обратном направлении. Что это могло означать? Перегруппировку войск? А может, переброску некоторых соединений на другие участки или фронты?

Словом, перед радиоразведчиками была поставлена задача – выяснить, что означают эти передвижения.

Для этого следовало уточнить группировку немецких войск перед фронтом, их оперативное построение, возможное убытие частей из мест дислокации.

Задачи такого рода требуют большого напряжения и труда. И тем не менее радиоразведчики 472-го дивизиона уверенно констатировали и подтвердили наличие в первом оперативном эшелоне «своих старых знакомых» – 26, 50, 54-го армейских корпусов.

623-й дивизион также внимательно наблюдал за количеством вражеских соединений первого эшелона.

Все это доказывало, что противник собирается и дальше проводить блокаду Ленинграда, находясь на прежних позициях.

...В конце 1943-го и накануне январского наступления 1944 года свои основные силы радиоразведка направила на вскрытие расположения вражеских частей, их систему огня, инженерных заграждений. Предстояло прорвать хорошо укрепленную оборону противника и воссоединить сообщение Ленинграда со страной.

Если раньше радиоразведка наблюдала в основном за авиацией и артиллерией, то теперь от нее требовалось проведение мероприятий по усилению поиска и контролю за радиостанциями частей сухопутных войск.

18 января советские войска прорвали блокаду Ленинграда.

Начальник разведки фронта, оценивая работу частей ОСНАЗ, отметил: «Обычно разведывательный отдел фронта в период активных действий благодаря радиоразведке был всегда в курсе самых последних событий и очень часто информировал оперативный отдел штаба фронта и штабы армий о положении и характере действий наших войск и войск противника в самую последнюю минуту».

Действительно, в ходе проведения операции радиоразведка обнаружила отход стрелнинской группировки противника на левом фланге 18-й армии. Это случилось 17 и 18 января. 19 и 20 января 472-й дивизион заметил отвод в глубину обороны командных пунктов 50-го армейского корпуса, 9-й и 215-й пехотных дивизий и выход на рубеж южнее Гатчины 11-й пехотной дивизии противника.

23 и 24 января радиоразведчики засекли передислокацию командных пунктов 26-го армейского корпуса из Тосно в Вырицу и 56-го армейского корпуса из Сиверской в Лугу. Это говорило о спешном отходе фашистских войск на юг и юго-запад.

Надо подчеркнуть, что при ведении разведки достаточно эффективно применялись маневренные группы радиоразведки, придаваемые дивизиям, действующим на главных направлениях.

За две недели наступления советские войска продвинулись на 30–90 км и полностью освободили Ленинград от блокады. Однако несмотря на это городу все еще угрожали финские войска, нависающие с севера. Их позиции находились всего лишь в 25 км от Ленинграда.

Чтобы обезопасить город от удара с севера, командование фронтом провело в июне – июле 1944 года операцию по разгрому войск противника в Карелии и на Карельском перешейке. В операции принимали участие 623-й и 398-й дивизионы ОСНАЗ. За два года обороны радиоразведчики хорошо изучили противника, но теперь все пришлось в движение, и командованию требовались данные по изменению обстановки.

623-му дивизиону удалось установить, что перед фронтом наших войск находятся только финские части. Немецких соединений не обнаружили.

С апреля по август 1944 года 7-й отдельной армии на период проведения Выборгской и Петрозаводской наступательных операций был придан радиоразведывательный отряд достаточно большой численности. Отряд насчитывал 51 человек личного состава, имел в своем распоряжении приемный центр, два пеленгаторных пункта, подразделение связи и группу обработки сведений.

Применялся он на стыке двух фронтов и показал себя вполне боеспособной единицей.

«Группа радиоразведчиков на Свирском направлении, – отмечалось в отчете штаба 7-й отдельной армии, – за все время работы, и особенно в период начала наступательных операций, добыла много ценного материала о противнике. Личный состав группы с большой ответственностью отнесся к выполнению поставленных задач».

К концу июля наши войска, действующие на Выборгском и Петрозаводском направлениях, достигли советско-финской границы. Финляндия прекратила боевые действия и вышла из войны.

472-й отдельный радиодивизион ОСНАЗ Ленинградского фронта был удостоен ордена Красного Знамени.

Первый год, он трудный самый...

Итоги первого года войны для Красной армии были далеко не утешительными. Да, врагу не удалось взять Ленинград, его отбросили от Москвы, но к началу лета 1942 года гитлеровцы вновь перешли к активным действиям. Теперь их усилия направлялись на юг страны. Они планировали овладеть районами Кавказа и Нижней Волги.

Потеря Крыма резко изменила обстановку на Черном море и южном фланге советско-германского фронта. Фашисты открыли для себя путь на Кавказ через Керченский пролив. Над Кавказом нависла угроза с моря.

В мае одновременно с боями в Крыму развернулись боевые действия и в районе Харькова. Однако успешно начавшаяся операция завершилась для наших войск неудачно, с большими потерями. Немецкие соединения заняли выгодные позиции.

Гитлеровское командование планировало окружить и уничтожить войска Красной армии на воронежском направлении, овладеть правым берегом и прорваться к Волге, перехватив эту важную водную артерию.

Фашистам не удалось полностью реализовать свой план, оно не сумело окружить войска Юго-Западного и Южного фронтов, однако в целом противник добился значительных результатов – занял Донбасс, вышел в большую излучину Дона и создал серьезную угрозу Сталинграду.

В составе своих фронтов действовали и радиоразведчики. Оценивая их боевую работу в период с мая по ноябрь 1942 года, Генштаб отмечал, что 394-й дивизион Воронежского фронта улучшил качество пеленгования и обеспечивает своевременное «вскрытие перегруппировки войск противника».

О чем, собственно, идет речь? Да в первую очередь о том, что радиоразведчикам удалось выявить переброску 3-го танкового корпуса противника на харьковское направление в мае 1942 года и выдвижение соединений и частей вермахта с воронежского направления на юг в июле 1942 года.

313-й дивизион Воронежского фронта установил прибытие частей итальянских войск на участок фронта Острогожск – Павловск, а также группировку 2-й венгерской армии.

561-й и 469-й дивизионы Сталинградского фронта умело организовали наблюдение за военно-воздушными силами фашистов, обнаружили части немецких и румынских войск.

Хуже работала радиоразведка Северной и Черноморской групп Закавказского фронта. 370-й и 513-й дивизионы не смогли в полной мере освоить обстановку в полосе разведки.

Словом, на всех фронтах от Карельского до Сталинградского радиоразведчики делали свое нелегкое, но весьма нужное дело – вели разведку противника.

Однако напомним, с чего мы начали: летом 1942-го завершился первый боевой год радиоразведки Красной армии. Какой опыт был накоплен в этот год, каковы его итоги, выводы, предпринятые меры?

Прежде всего, следует отметить знаковое событие для службы радиоразведки – в июне 1942 года был развернут 1-й отдельный радиополк ОСНАЗ Главного командования. Сформировали его на базе 490-го дивизиона, который в 1941 году использовался в интересах ПВО Москвы, а потом стал выполнять задачи стратегического характера, и 369-го радиодивизиона, переброшенного из Среднеазиатского военного округа.

Полк состоял из трех дивизионов: 1-го тяжелого для разведки ВВС, 2-го тяжелого – для разведки верховного командования немецко-фашистской армии и 3-го маневренного – для оперативно-тактической радиоразведки на главном направлении.

Командование радиоразведки понимало важность подготовки специалистов для частей ОСНАЗ. Именно поэтому в мае 1942 года 3-й запасной радиодивизион, где готовили младших

специалистов, был развернут в 25-й отдельный запасной полк ОСНАЗ. В конце года здесь стали готовить девушек-радисток, которые в последующем на фронтах зарекомендовали себя самым наилучшим образом.

Война, как известно, живет по своим законам и у нее свои требования, зачастую весьма жесткие и неожиданные.

Так, в 1942 году возникла крайне острая проблема – освещение тактической глубины противника. Ведь с применением «тактики большого отрыва» значительно сокращалось время, в течение которого части радиоразведки могли работать по вскрытию дивизионных радиосетей. И если радиодивизион отрывался от переднего края на 150–170 км, то на новых позициях специалисты могли прослушивать только армейские и корпусные радиостанции. Дивизионные сети удавалось услышать, когда передний край находился на удалении 50–70 км.

Разведку тактической зоны с успехом могли бы вести армейские части, однако средства радиоразведки не были предусмотрены в объединениях. Чтобы разрешить эту проблему, попробовали из состава фронтовых дивизионов на главные направления действий войск выделять так называемые маневренные группы. Однако из-за громоздкой аппаратуры они оказались практически не пригодными для ведения разведки вблизи переднего края. На вооружении мангруппы имели ту же аппаратуру, что и в дивизионах, а им нужны были средства более компактные и мобильные. Увы, таких средств в Красной армии не существовало.

«В мае 1942 года была создана маневренная группа, – вспоминает генерал-майор Юрий Мажоров, – в задачу которой входила добыча информации с мест поближе к горячим точкам. Такой горячей точкой была подготовка к наступлению наших войск с целью освобождения Харькова.

В районе города Елец находился наш РП-3, вот туда сначала и направилась мангруппа. По-моему, нужды находиться на переднем крае не было никакой. Так я считал тогда и сейчас думаю так же. Если бы у нас оказалась аппаратура УКВ, то тогда другое дело. Но у нас такой аппаратуры не было. Так что с точки зрения военной разведки того времени не стоило посылать в район Харькова нашу маневренную группу».

И, тем не менее, положительный опыт использования мангрупп был. 469-й дивизион Южного фронта в марте 1942 года сформировал небольшую группу из четырех человек, которая занималась подслушиванием переговоров по проводам. Она имела на вооружении аппарат СП-3, связную радиостанцию и автомашину.

Работала маневренная группа в полосе нашей 9-й армии и делала рейды в глубь обороны противника на 70–100 км.

Подобные мангруппы были сформированы в 313-м и 561-м дивизионах Юго-Западного фронта.

В декабре 1942 года на Брянском фронте 347-й дивизион выделил из своего состава мангруппу, которая кроме приемных КВ и УКВ средств имела два пеленгатора. Она выявляла дивизионные сети противника и наблюдала за самолетами ближней авиационной разведки немцев.

Таким образом, опыт, приобретенный радиоразведкой в первый год войны, показал, что освещение тактической глубины противника возможно только при выдвижении подразделений радиоразведки к переднему краю. А это требовало создания малогабаритных мобильных приемных и пеленгаторных средств. Но такие средства – приемники «Вираз» и пеленгаторы «Штопор» – стали поступать в войска только со второй половины 1943 года.

Наряду с поисками способов разведки тактической зоны противника отрабатывались и вопросы использования фронтовых средств радиоразведки. Ведь теперь нередко на фронте действовали два, а то и три радиодивизиона.

Разумеется, путь этот не был усеян розами. На Западном фронте, где действовало два дивизиона – 474-й и 480-й, диапазон радиоволн разделили между этими частями, а подразде-

ления дивизиона разместили в колее фронта шириной более 400 км. Это привело к тому, что радиочасть могла только частично вести разведку дивизионных сетей противника.

На Юго-Западном фронте поступили по-своему: радиоразведывательные средства трех дивизионов – 313, 394 и 561-го – объединили в сводные добывающие и обрабатывающие подразделения. Но, как показала практика, такое объединение оказалось не эффективным.

Обобщив опыт, Разведуправление Красной армии пришло к выводу: на фронте с двумя-тремя дивизионами каждой части определялась своя полоса, где она и вела разведку.

В 1942 году одной из наиболее острых проблем оставалось оснащение частей разведывательной аппаратурой. За первый год войны радиоразведка понесла большие потери в технике, и к осени 1942 года они были восполнены только наполовину от требуемой.

Важную роль здесь сыграло изобретение Н. Киселева, офицера 469-го радиодивизиона. Он сконструировал переговорно-командное устройство (ПГУ) для управления пеленгованием. ПГУ обеспечивало передачу команд на пеленгование непосредственно из приемного центра в микрофонном режиме каждым радистом-разведчиком.

Свое переговорное устройство Киселев создал еще в начале войны, и вот теперь оно было доработано, организован его промышленный выпуск, и в начале 1943 года ПГУ стало поступать в радиодивизионы. С этого времени оно стало обязательным элементом системы управления радиопеленгаторными пунктами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.